Карлов университет г. Праги

Философский факультет

Отделение переводоведения

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

Кристина Величко

Комментированный русский перевод: КОСАТИК, Павел. Вера Чаславска - Жизнь на Олимпе

Прага, Mladá fronta, 2012, стр. 92 - 98; 129 - 140; 146 - 153.

Komentovaný ruský překlad: KOSATÍK, Pavel. Věra Čáslavská - Život na Olympu.

Praha: Mladá fronta, 2012. s. 92 - 98; 129 - 140; 146 - 153.

Commented Russian translation: KOSATÍK, Pavel. Věra Čáslavská - Život na Olympu.

Prague: Mladá fronta, 2012, p. 92-98; 129-140; 146-153.

Прага, 2016 г. Ing. Mgr. Мария Молчан

Благодарность

Я выражаю благодарность своему научному руководителю Ing. Mgr. Марии Молчан за ценные советы, замечания, которые, несомненно, способствовали улучшению содержания работы. Я благодарю мою семью, за их поддержку и вдохновение во время учебы и во время написания этой работы.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V dne podpis

Аннотация

Бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перевод выбранных глав из книги Павла Косатика «Вера Чаславска - жизнь на Олимпе». Вторая часть содержит комментарий к переводу и состоит из следующих глав: анализ текста оригинала, переводческая концепция и типология переводческих проблем и способы их решения.

Ключевые слова: перевод, анализ перевода, переводческая концепция, переводческая проблема

Anotace

Tato bakalářská práce se skládá ze dvou částí. První částí je překlad vybraných kapitol z knihy Pavla Kosatíka *Věra Čáslavská - Život na Olympu*. Druhá část představuje odborný komentář k překladu, který obsahuje překladatelskou analýzu výchozího textu, určení překladatelské koncepce, typologie překladatelských problémů a způsoby jejích řešení.

Klíčová slova: překlad, překladatelská analýza, překladatelská koncepce, překladatelský problém

Abstract

This bachelor thesis consists of two parts. The first part is a translation of selected chapters from the book *Věra Čáslavská - Život na Olympu* written by Pavel Kosatík. The second part represents a commentary of the translation. The commentary is divided into the following sections: translation analysis of the source text, defining of the translation concept and typology of the translation problems and ways of solving them.

Key words: translation, translation analysis, translation method, translation problem

Содержание

1. Текст перевода.....8

2. Комментарий к переводу.....22

2.1 Анализ текста оригинала.....22

2.1.1 Об авторе.....22

2.1.2 Внетекстовые аспекты 23

2.1.2.1. Место и время.....23

2.1.2.2 Целевая аудитория.....23

2.1.2.3 Функция текста……..… 24

2.1.3. Внутретекстовые аспекты…….....24

2.1.3.1 Тема и содержание.....24

2.1.3.2 Стилистика исходного текста…….……25

2.1.3.3 Лексика исходного текста……..…… 25

2.2 Переводческая концепция 25

2.3 Типология переводческих проблем и способы их решения.....26

2.3.1 Лексический уровень 26

2.3.1.1 Топонимы 26

2.3.1.2 Антопонимы 26

2.3.1.3Другие имена собственные 27

2.3.1.4 Другое..... 28

2.3.1.5 Фразеологизмы..... 29

2.3.2 Стилистический уровень.....30

2.3.3 Грамматический уровень 31

2.3.4 Прагматический уровень.....34

Выводы 36

Резюме 37

Rezumé.....38

Summary.....39

Список испольуемой литературы……...…...40

Приложение: Текст оригинала.....41

1. Текст перевода

СВАДЬБА ВЕКА

В Мексику Вера полетела не одна. Раньше она тоже никогда не летала на соревнования одна. Но теперь с ней полетел мужчина, который выбрал жизнь с ней. Он спросил её, хочет ли она прожить вместе с ним жизнь и Вера согласилась. Йозеф Одложил, один из самых успешных чехословацких атлетов всех времён, обладатель серебряной медали Олимпийских игр в Токио в беге на 1500 метров, успешный участник и рекордсмен на нескольких дистанциях. Его мировой рекорд с 1965 года в беге на 2000 метров (5:01,2) не смог никто побить до сих пор.

Вера, конечно, знала, о том, что есть такой спортсмен, они танцевали, к примеру, вместе на фестивале молодёжи в Хельсинки в 1962 году, но впервые он её серьезно заинтересовал только два года спустя на палубе правительственного самолёта выделенного для олимпийской сборной, который направлялся на олимпиаду в Токио. По её словам, с первого взгляда, он ей не особо понравился, но как и полагалось его спортивной специализации, среди воздыхателей, он был самым «выносливым», что в итоге оказалось решающим. Когда в Токио он пробился в финал в беге на 1500 метров, Вера, отправилась за него болеть вместе с остальными чехословацкими гимнастками. Она не особо переживала во время его славного сражения с новозеландским бегуном Снеллом, потому что прошло совсем немного времени с момента её победы в гимнастическом многоборье, после которого она чувствовала себя до смерти уставшей. Впрочем, даже без этого она никогда не была страстным фанатом легкой атлетики, всему виной, как оказалось, её интровертный характер.

Это был выдающийся спортсмен и выдающийся мужчина. Самое большое влияние на него оказали детские годы, которые он прожил с семьей, в самом сердце гор Есеники, в деревне Домашов, расположившейся у реки Бела. Семья Одложиловых жила в уединении, в доме посреди леса, который тогда еще не был загрязнен добычей и выбросами. Каждое утро Йозеф преодолевал 4 километра, чтобы добраться до школы, а после занятий преодолевал снова 4 километра обратно. Летом это была его первая атлетическая тренировка, а зимой - лыжная сказка. В Есениках его старшими друзьями были в основном лесники, с которыми он ходил на охоту ещё будучи ребенком.

Он познавал природу вблизи и получал от этого огромное удовольствие. С отцом они ходили в походы на горы Шерак, Кепрник, Прадед к Высокому водопаду, поэтому в скором времени сын знал горы как свои пять пальцев. Спустя пару лет, когда семья переехала в город Отроковице, для Йозефа это было большое горе. Вскоре оказалось, что ему предстоит вынести еще больше: лесоводческая школа, куда он хотел поступать, на тот момент не принимала новых учеников, поэтому родители решили, что Йозеф будет поступать к «воякам», в военную школу Яна Жижки в Братиславу.

В пятнадцать лет он оказался дальше всего от своей мечты. До этого Йозеф был приверженцем свободы, теперь же его жизнь была расписана другими людьми поминутно, начиная с подъёма и заканчивая отбоем. Каждой вещи полагалось свое отдельное место. Не дай Бог, если постельное белье не было заправлено миллиметр к миллиметру, а если командир нашел на застеленной кровати какой-то изъян, то в результате наказание - запрет на выходную прогулку. Не один раз Йозеф просиживал у окна казармы, наблюдая за людьми, гуляющими по дунайскому побережью.

Однажды его заставили шесть часов подряд чистить винтовку, потому что что-то постоянно было плохо, и при сильном свете лампы, освещавшей оружие, на нём снова и снова появлялись какие-то пылинки. Тогда уже отчаявшись, он хотел уйти из школы. «Но меня беспокоило, что скажут родители, и что друзья дома будут смеяться, что я никакой не солдат, а какая-то девчонка – поэтому я решил стиснуть зубы и принял решение выдержать все это».[1] Такая жизнь давала лишь немного преимуществ. Одним из таких была возможность заниматься в армии любимой ездой верхом, но прежде всего это был шанс серьезно заняться спортом, а именно атлетикой, где главной целью для Йозефа была «королевская» дистанция на 1 милю или же 1500 метров. Йозеф занимался бегом везде, где только можно – в училище противовоздушной обороны в Оломоуце, а после перевода - в Кошице, где все чаще принимал участие в соревнованиях, потом с 1960 года - в пражском клубе «Дукла».

Говорили, что на олимпиаду в Токио он попадёт в последний момент, благодаря везению. Ему предрекали, что он выбудет в первом забеге, но он утер нос всем чехословацким атлетам. Благодаря второму месту в дистанции с самой большой конкуренцией среди атлетов, он стал самым успешным чехословацким легкоатлетом современности, после Эмиля Затопека. По возвращении домой, вместе с Верой их стали приглашать на послеолимпийские встречи, где они вдвоём, два молодых и успешных спортсмена, могли совершенно по-разному делиться своими впечатлениями.

Впервые он начал импонировать ей при одной встрече в Остраве. Вечером перед мероприятием, когда Вера в своем номере отеля делала прическу, Йозеф зашел за ней в сопровождении еще одного олимпийца. Из коридора она услышала, что его друг начал рассказывать какую-то непристойную шутку, и в зеркале она увидела, как Йозеф, жестикулируя руками, настоятельно просит друга тут же прекратить. Тогда Вера впервые подумала, что Йозеф должно быть порядочный парень.

Следующие четыре года между олимпиадами в Токио и в Мехико, Йозеф и Вера жили вместе, но виделись редко. Йозеф, также как и Вера, участвовал в соревнованиях по всему миру. Чаще всего они встречались где-то в аэропорту, когда кто-то из них куда-то улетал, а другой откуда-то возвращался. Свои чувства они не скрывали, и даже если бы они хотели сделать это, наверно у них бы это не получилось. Всякий раз, когда журналисты описывали очередное возвращение Веры с соревнований, в аэропорт Рузине, они с удовольствием упоминали, что Веру встречал хорошо одетый спортсмен с букетом цветов, который увозил ее на своем стильном форде.

Они решили пожениться на олимпиаде в Мексике. Эта идея пришла Вере. Свадьба должна была быть еще одним «финалом», которым она хотела показать, какую роль для неё играет предстоящее замужество. Не медали, которые она хотела завоевать, а именно брак должен был быть кульминацией всего этого. Если бы олимпиада в Мексике не удалась, возможно, Вера попробовала бы одержать победу где-то еще, но если все получится, то Вера была решительно настроена, закончить после олимпиады карьеру. Она была сыта по горло гимнастикой, чувствовала себя изнуренной как никогда и к тому же понимала, что следующая олимпиада – это её единственная будущая мотивация имеющая смысл, но учитывая возраст, о ней не может быть и речи.

Тем не менее, восхитительно то, что Вера смогла уйти на пике славы. Количество спортсменов сумевших это сделать, можно пересчитать по пальцам одной руки. Тот, кто сумеет сделать это, как бы намекает, что в жизни у него есть и другие ценности, кроме собственных амбиций. Муж Веры тоже близился к концу своей карьеры (хотя он еще не хотел, как Вера, так резко все обрывать в Мексике). Таким образом, брак оказался символичной точкой, поставленной за спортивной карьерой и началом совершенно новой, неизвестной жизни.

Не смотря, на желание сделать свадьбу тайной, это не получилось. Чешские журналисты догадывались о подготовке к свадьбе, и как только Вера собрала все медали, пропали все сомнения. Для мексиканских газет это была сенсация, ведь замуж выходила

самая успешная спортсменка олимпийских игр, и судя по проявляемой к ней симпатии, похоже, что и самая почитаемая спортсменка – «La nóvia de Mexico».

Её популярность в Токио, которую было невозможно превзойти, затмила популярность в Мексике. Она проявлялась на каждом шагу и, конечно, имела и свою обратную сторону. Но симпатию, в основном, проявляла толпа, а не отдельные люди. Это был шум лишенный каких-либо отношений, поэтому в скором времени Вера начала осознавать, что все это внимание также обременяет. Её постоянно кто-то останавливал на улице, чтобы сфотографировать или попросить автограф и при этом часто не принимал во внимание, удобно ли ей это или нет. «Мы постоянно были в бегах»,- позже выразился её муж в прессе.[2] По их словам, к концу олимпиады, покоя не было уже даже в олимпийской деревне, где повара подкладывали Вере на тарелках листочки для автографа.

Эта самая толпа, как в итоге оказалось, сыграет главную роль в её свадьбе, но об этом Вера пока не догадывалась. О том, что будет много людей, Вера знала, об этом ей намекнули, в том числе и местные власти и посоветовали перенести обряд из «маленькой часовни» (которую изначально выбрала сама Вера) и из олимпийской деревни (где обряд планировали провести члены чехословацкой олимпийской команды) в кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы на исторической площади Сокало.

Пролог, то есть официальный брак, состоялся 26 октября в 18 часов в резиденции посла Чехословакии. Улица была осаждена людьми уже за час до происходящего, а после церемонии, гости, с трудом могли пробраться к машинам, но настоящие мученья их ждали перед собором. На мероприятие пришло пятьдесят тысяч человек. Все хотели увидеть Веру и попасть внутрь, так что изначально казалось, что это не удастся даже самим молодоженам. Когда церемонию задерживали уже на целый час, Вера начала паниковать и решила, что лучше пусть свадьба вовсе не состоится, чем состоится в таком хаосе. Спустя полчаса переубеждений, жених и друзья молодоженов протолкнули её сквозь толпу прямо к алтарю, где обоих уже ждал мексиканский архиепископ Мигель Дарио Миранда, ведущий церемонию бракосочетания.

По истечении более сорока лет, один хороший чешский журналист написал: «Это была самая звездная свадьба в истории Чехии».[3] Такой ажиотаж вокруг свадьбы имел свои плюсы и минусы. В переполненном соборе нельзя было и шевельнуться, а в том шуме, который там царил, не было слышно даже собственного голоса. В самом храме действовали церковные законы, поэтому полиция не имела право наводить там порядок, а самих священников не хватало, чтобы справиться с одичалой толпой. Жених с невестой не слышали, о чем их спрашивает архиепископ, он в свою очередь не слышал, что они отвечали ему. В конце концов, он сдался, так как там творилось вавилонское столпотворение.

При всем происходящем, невозможно было узнать, согласен ли с браком Эмануель Босак (брат тренера Веры, а в то время председатель Чехословацкого союза физического воспитания) и тренер Ярослава Матлохова, - свидетели молодоженов. (Местным «крестным отцом» свадьбы стал архитектор Педро Рамирес Васкез, проектировщик олимпийской деревни и других спортивных сооружений). После окончания церемонии всем пришлось еще целый час прождать в усыпальнице под ризницей, пока толпа не успокоилась и собор хотя бы на половину не опустел. Если бы не подземный ход, по которому они в итоге ускользнули наружу, вероятней всего, им бы так и не удалось попасть на свадебный банкет, проводимый в олимпийской деревне. Большинство снимков сделанных во время бракосочетания, не передавало той атмосферы, которая там царила. Но в итоге Вера была скорее подавлена всей церемонией – она и не представляла, что во время свадьбы воцарится массовая истерия. Весь конец свадьбы она проплакала.

Лишь в половине двенадцатого ночи, в олимпийской деревне начался свадебный банкет, который организовали мексиканцы. Пятьсот гостей, собравшихся в столовой, под звуки марша Мендельсона, осыпали молодоженов горстями риса на удачу. Только после этого они оба немного пришли в себя.

Так закончился последний день спортивной карьеры Веры Чаславской. Что будет дальше, она не подозревала. В первую очередь, она планировала немного отдохнуть, а потом уже начать новую жизнь. Она очень хотела собственных детей. Если в то время она и подумывала о своей будущей профессии, то предполагала, что все будет происходить примерно так же, как было у остальных старших гимнасток: она доучится на факультете физической культуры, после чего будет там же работать, а если не получится, то начнет тренировать молодых гимнасток в своем клубе.

Её родным спортивным клубом, вплоть до 1976, был «Слован» ЧСТВ.[I] В том же году, перед чемпионатом Европы в Амстердаме, Вера перешла в спортивное общество «Руда Гвезда» Страшнице, и будучи членом, на протяжении нескольких месяцев одержала свои самые ценные победы – пять званий чемпионки Европы и олимпийские медали из Мексики. В клубе «Руда гвезда» ей предоставили хорошие спортивные условия, ей там нравилось, она входила в состав некой спортивной роты вместе с другими гимнастками (например, с Ганой Ружичковой), с легкоатлеткой Милославой Хюбнеровой-Резковой и другими. Ей уже не надо было работать машинисткой и переписывать на машинке всякую ерунду. Поэтому она практически не задумываясь, рассчитывала на то, что благодаря хорошим взаимоотношениям с клубом, она сможет вернуться туда работать. Помимо всего этого, она также подумывала выехать с мужем на год в качестве тренеров за границу.

МЕКСИКА II

Семидесятые годы протекали гладко и спокойно, поэтому казалось, что они никогда не закончатся. В один прекрасный день случилось чудо. После стольких лет просьб получить достойное место для работы тренером, откликнулись из Мексики – из страны, с которой у неё были связаны её лучшие воспоминания о спорте. Вера уже почти поверила в судьбу, что она сжалилась над ней, и в то, что теперь Вера сможет получать удовольствие от своей работы. Только лишь спустя много лет, она узнала о том, что настоящая причина предложения из Мексики, была политическая и исходила из стремления президента Мексики Хосе Лопеса Портильо стабилизировать свою страну на политическом уровне. И помимо всего прочего, он пытался добиться этого благодаря сотрудничеству с так называемыми странами социалистического лагеря.

Мексика была бедной страной, неспособной заполнить внутренний рынок товаром даже того качества, которое тогда могла производить Чехословакия. Мексиканская нефть и другое сырье, в котором социалистические страны неустанно нуждались, напротив, стоили в Мексике дешево. Одну такую опасную сделку, которую Портильо заключил с Советским Союзом, он заключил из соображения, что Мексика поставит уголь на Кубу, которой управлял Фидель Кастро и которая в то время была витриной Советского Союза в Латинской Америке. Советский Союз, в свою очередь, после этого должен был намекнуть товарищам из Чехословакии, что было бы хорошо, если бы они позволили Вере Чаславской работать в Мексике. (Социалистические страны задабривали президента Мексики и на личном уровне. Он любил писать, поэтому в Чехословакии для него, например, издали его книгу «Пирамида Кецалькоатля», перевод которой президенту лично доставил Милан Клусак, тогдашний министр культуры Чехословакии.)

Согласно плану Портильо, активно поддерживаемая СМИ, Вера должна была вести тренировки нескольких сотен начинающих гимнасток из бедных семей. Было бы замечательно, если бы она сумела воспитать из них успешных гимнасток. Но вполне достаточно будет и того, что разнесутся слухи о том, что с помощью Веры Портильо помогает бедным. Вряд ли это сможет навредить при следующих президентских выборах.

Когда пришло предложение, Вера была счастлива. Она любила Мексику, и была

[I] Чехословацкий союз физического воспитания – Прим. перевод

рада тому, что её там помнят. Перспектива ли это, тогда ещё было непонятно, но, по крайней мере, это была определенная альтернатива к тому, как она жила дома. Спустя десять лет, она, наконец, сможет работать как обычный человек, без необходимости постоянно скрываться. Самое лучшее во всем этом было согласие мексиканской стороны (Национального института спорта «ИНДЕ») с тем, чтобы Вера приехала со всей своей семьей, и чтобы её муж получил в Мексике достойную работу. Даже в организации «Прагоспорт»[II], не было никаких возражений, чтобы семья Одложиловых выехала вчетвером, поэтому сперва Вера даже не смогла удержаться от мысли, что возможно её таким образом деликатно побуждают к эмиграции.

За пару недель до отъезда, в апреле 1979 года, она пережила шокирующее событие, когда внезапно и при загадочных обстоятельствах погиб её младший брат Вашек. Она любила его также, как и старшую сестру Гану, а возможно даже больше. Неудачи преследовали его с самого детства. В три года он заболел туберкулёзом костей и целых пять лет был прикован к постели. Он пережил много страданий, но по крайне мере, во всем этом был один положительный момент - то время, которое было в его распоряжении, он сумел использовать для чтения книг. Уже будучи ребёнком, он читал все, что ему попадало под руку и тем самым смог прилично расширить свой кругозор. Позже, он хотел поступить учиться на библиотекаря, но его не взяли, поэтому он выбрал профессию электрика. Книголюбом Вашек так и остался.

У Веры никогда не хватало на него столько времени, сколько ей бы хотелось. Он жил в поселке Вшеноры, где пропитался колоритом гор Брди и области вдоль реки Бероунка. Он ездил на трэмпинг[III], научился играть на гитаре, не пропускал ни одной встречи среди трэмпов в недалеких селениях, каждый год ездил на музыкальный фестиваль «Порта» и т. д. Но, к сожалению, он не приглянулся Службе Общественной безопасности и Службе Государственной безопасности. У костра он пел не только «Ящик из-под виски»[IV], он мог разойтись, и тогда, он начинал петь песни Карла Крыла и «Уходи домой, Иван!»[V], а если какое-то мероприятие проходило у него во дворе во Вшенорах, то он еще ко всему прочему вывешивал американский флаг, а это даже в либеральные шестидесятые годы, воспринималось как акт ровняющийся измене родины. В течение десяти минут обычно приезжала служба безопасности, вызванная кем-то из соседей, но Вашек их не боялся, подшучивал даже над ними. Сама Вера не присутствовала в августе при оккупации Праги, но позже на некоторых фотографиях заснятых репортерами в горящих улицах, она увидела Вашека. Он стоял на танке перед зданием радиовещания и энергично обсуждал что-то с советскими военными, махая перед ними чехословацким флагом.

Все трэмпы были потенциальной группой риска для режима, а Чаучик (или же Кид, как его называли друзья) их явно раздражал. Когда в Прагу с государственным визитом приезжал Брежнев, то в качестве предупредительных мер, на сутки брали под арест не только «хартистов»[VI], но и Вашека Чаславского. Однажды его друг у него дома спрятал два пистолета. По стечению обстоятельств как раз предстоял очередной визит Брежнева в Прагу, но оружие Вашек уже не успел перепрятать. Это не было антикоммунистическое сопротивление, скорее просто мальчишество, но если бы полицейские нашли это оружие, то с удовольствием бы на них завели дело.

Когда Вашек находился под арестом, к нему с визитом пришла Вера и ему удалось

[II] Организация, которая предоставляла чехословацким спортсменам возможность работать заграницей и защищала их интересы. – Прим. перевод.

[III] Неформальное движение, появившееся в Чешской Республике, ставшее феноменом. Заключалось в туристических самоорганизованных походах молодых людей. В коммунистческий период подвергался гонениям. – Прим. перевод.

[IV] *Ящик из-под виски* – одна из самых популярных трэмпских песен. – Прим. перевод.

[V] *Уходи домой, Иван!* - протестная песня, против оккупации Чехословакии 1968 году. – Прим. перевод.

[VI] Диссиденты, подписавшие «Харту-77». – Прим. перевод.

дать ей понять, что происходит. Сначала она долго не могла понять, но в итоге до нее дошло - если полицейские впоследствии еще раз обыщут его квартиру, то он пойдет за решетку. Поэтому ночью она собралась, поехала к Вашеку в его квартиру, стараясь не попадаться никому на глаза, нашла оружие, всунула его в карман и отвезла. На протяжении всего этого времени ей было очень страшно. Она боялась, что Служба Государственной безопасности следит за домом и все это время за ней откуда-то наблюдает и что с пистолетами в кармане её арестует.

Изначально она хотела закопать их во дворе в Черношице, но всю обратную дорогу ей казалось, что за ней следит какая-то машина, из-за этого она запаниковала еще больше, объездом вернулась во Вшеноры и вернула пистолеты обратно на место. На следующее утро, она не выдержала и отправилась туда снова, взяв две сумки для пистолетов, чтобы они не выпирали у неё из-под пальто средь бела дня. Самой короткой дорогой она добралась до железнодорожного моста через реку Бероунку, и убедившись, что вокруг никого нет, выбросила их в воду.

Как только Вашека вновь выпустили, возникла новая проблема: его друг попросил вернуть оружие, поэтому Вашеку нужно было его найти. Ночью они вместе поехали к мосту, обыскали всю реку, но ничего не нашли. В апреле 1979 года Вашека сбила машина. Виновника так и не нашли, поэтому Вера так никогда и не избавилась от подозрений в том, что за этим стоит Служба Государственной безопасности.

Переезд в Мексику давал ей хоть какой-то шанс выкинуть из головы все то, что творилось дома. После одиннадцати лет они с мужем возвращались в страну, где когда-то засияла их счастливая звезда, надеясь, что там они снова соберутся с силами – и далеко не только в материальном плане. Как это ни удивительно, но именно в Мексике проявились те противоречия, которых не было видно дома в Чехословакии.

Впервые они дали о себе знать сразу по прилету в Мехико. Если это вообще возможно, к её прибытию, к ней было проявлено еще больше внимания, чем тогда, когда она участвовала в олимпиаде. Муж тоже был олимпийцем, поэтому он возможно ощущал, что вся эта слава принадлежит ему тоже. Но сейчас все было по-другому. Красный коврик, положенный от здания аэропорта к ступенькам самолета, предназначался только для неё, газеты писали только о «Reina del Mexico» - «Королеве Мексики», в то время как он, будучи её мужем, удостоился в газетах только лишь упоминания «El Esposo de Vera» - «Муж Веры». В газетах писали, что такое приветствие, какого удостоилась Вера, до этого было только у Папы Римского (Иоанна Павла II, посетившего страну в 1979 году, всего лишь на пару недель раньше Веры)

Ранее Йозеф уже испытывал похожее чувство и возможно смог бы перенести это снова, но за тот промежуток времени, он уже позабыл, кем является его супруга. Шок испытали и их дети. До тех пор, живя дома в Чехословакии, они не знали, что их мама знаменита. Они не осознавали, кем на самом деле она является и что режим, в котором они живут, это скрывает. Пятилетний Мартин, привыкший к тому, что мама всегда только в его распоряжении, испугался, что все эти чужие люди хотят забрать у него маму, и в первые секунды, находясь среди этой толпы, он расплакался.

Они сняли пятикомнатную квартиру в правительственном квартале и арендовали автомобиль. Вере пришлось самой искать учителя испанского языка и школу для дочери. Будучи детьми из стран так называемого социалистического лагеря, они должны были в обязательном порядке, посещать советскую школу. Сначала, Радку в школу каждое утро возила Вера, но так как школа находилась далеко от дома, её перевели в мексиканскую военную школу, с более твердой дисциплиной, и как со временем оказалось, с плохим питанием. Однажды Радка пришла домой вся в слезах из-за того, что в школе в чашке с чаем плавала мышь. Вера наведалась к командиру и с того времени такое больше не повторялось.

Благодаря своему таланту к иностранным языкам, Радка, в жестких условиях школы, быстро выучила испанский язык, но математика и чешский язык ей давались

сложнее. Только когда в конце 1980 года в Мексику приехали чешские учителя из Кубы, повторно проверив её знания, они подтвердили, что она закончила пятый класс. Мартин, который еще не ходил в школу, приспособился к новой среде намного быстрее. Вера брала сына на тренировки, где он иногда занимался в её гимнастической команде, которая состояла только из девочек. Там он обучался испанскому языку в естественной среде. Спортивный зал в Попотле, где тренировала Вера, тоже принадлежал военному комплексу, а среди военных Мартин себя чувствовал в своей стихии.

В Мексике, людей не интересовали все эти хлопоты, для них это были её личные заботы. В первую очередь, их интересовало, как «La Maestra Vera» - «Чемпионка Вера», будет работать. Она устроилась на три работы сразу. Её главной работой было участие в тренерской программе «Deporte Para Todos» - «Спорт для всех». Родители со всей страны записывали к Вере своих детей. На отбор пришло неисчислимое количество детей, и в итоге Вера выбрала около ста потенциальных гимнасток. На первых тренировках был галдёж и хаос, но Вера дала такую нагрузку, что смогла наверстать то, что ей не позволял делать режим в Праге. Со многими своими воспитанницами, у Веры, на протяжении краткого времени, возникли крепкие отношения, похожие на отношения с собственными детьми, о чем свидетельствовали и достигнутые ими результаты. Но проявлялось это и в благодарности матерей, у которых появилась традиция – каждый третий день в месяце и один раз на юбилей Веры они выпекали торт. Эта традиция продержалась до конца пребывания Веры в Мексике.

Её вторая работа, заключалась в обучении мексиканских тренеров по гимнастике. В качестве третьей работы добавился ежедневный двадцатиминутный эфир на телевидении, под названием «Haga gymnasia con Vera» - «Занимаемся гимнастикой с Верой», который в прямом эфире транслировался в общей сложности 300 раз на протяжении всего её пребывания в Мексике. В целом, такой нагрузки было более чем достаточно, но в таком режиме она, пока ей позволяли это делать, в Чехословакии работала все время, вплоть до 1969 года. Сейчас она чувствовала, что ей нужно наверстать все упущенное, передать все то, чему она научилась и при всем при этом, она ни капельки себя жалела.

На фотографиях того времени, она весила меньше всего в своей жизни, всего лишь пятьдесят три килограмма. Причиной были не только три работы, с которыми она старалась справляться, но и тот факт, что она часто брала детей с собой на работу. Мексика хоть и принадлежит к странам, где до сих пор существует культ ребёнка, но обратной стороной всего этого являлись частые похищения детей ради выкупа. О похищениях Вера узнавала по телевизору, поэтому очень переживала за своих детей. Повезло, что Радка оказалась физически одаренной как и мать и ей тоже нравилась гимнастика, поэтому, Вера брала с собой на тренировки и дочь, где та не скучала, а как и брат занималась вместе с девочками.

Но все-таки, такой нагрузки ей хватало, поэтому она была рада любой помощи со стороны. Ей удалось договориться, чтобы на некоторое время к ней приехала её старшая сестра из Чехии Гана. Они неплохо все продумали: в Мексике Гана будет подрабатывать в качестве балетного хореографа, а если будет оставаться время, то будет помогать Вере с детьми. Сестра приехала на три месяца, летом 1980 года, как раз в перерыве между двумя сезонами дома в Ческе-Будеёвице. Это был как раз тот самый момент, когда жизненные пути Веры и Йозефа стали заметно расходиться.

С виду, работа обоих супругов в Мексике особо не отличалась, но реальность была совершенно другой. В то время как она жила в бешеном ритме работая на трех работах, с бесконечным рабочим графиком, ещё ко всему заботясь о детях, её муж, после проведенной тренировки у группы легкоатлетов, наслаждался своим собственным свободным временем. В отличие от него, у Веры уже тогда не было личной жизни, помимо семьи. К тому же они оба были сильными личностями: человек воспитанный спортом приобретает тенденцию к завоеванию других людей и не пытается с ними договориться. Как только они поняли, что друг на друга у них не хватает терпения, между ними началось

состязание, чтобы как можно больше показать, что друг в друге они не нуждаются.

Первые большие споры Йозефа с Верой касались детей, особенно старшей дочери Радки. Местная советская школа не допускала другого режима, кроме как спартанского. Воспитательный процесс был пропитан идеологией, изображающей абсолютно все существующее в странах кроме Советского Союза и пары дружественных стран, плохим, даже включая Мексику, где капиталисты эксплуатируют простых рабочих. Все, что было вокруг, не должно было нравиться детям, наоборот, они должны были научиться с этим бороться. Все хорошее было только в странах социалистического лагеря.

После двух лет такого обучения, вернувшись домой, удивлению Радки не было предела. Оказалось, что чужой страной для неё была не Мексика, а Чехословакия. Это в Праге, а не в Мексике тогда жили бессердечные и недоброжелательные люди, которые никогда не улыбались, это Прага, а не Мексика, была городом серых, безжизненных красок, это в Праге, а не в Мексике были очереди на самые обычные товары, начиная от фруктов, заканчивая, к примеру, туалетной бумагой. После возвращения домой, приехав к бабушке в поселок Черношице, Радка, осознав все это, села на лестнице и расплакалась.

Зато в Мексике было все, чего не было дома. Солнце. Краски. Люди полные энергии. Как будто в Мексике счастливый детский сон о земном раю стал реальностью. Только вот советская школа все портила. Так как проблемы с учебой продолжались, родители разделили её предметы между собой и стали обучать её дома. Вера взяла на себя чешский язык и краеведение, а отец математику. Но с математикой вскоре начались проблемы. У отца на Радку не хватало терпения, она начала получать подзатыльники, а со временем и более сильные удары. После одного из таких случаев, Радку госпитализировали в мексиканскую больницу с повреждением глазного дна.

Тот факт, что он применяет к дочери физическое насилие, не опровергал ни он, ни те, кто, в общем-то, поддерживали его поведение. В книге, которую издала его сестра в 2003 году, она, к примеру, процитировала фразу, произнесённую им перед бракоразводным судом об одном давнем инциденте в 1981 году, как раз во время их пребывания в Мексике. Йозеф тогда сказал: «После того, как дочь заявила, что учиться она не хочет, что она станет миллионершей и для всего у неё будут служанки, она получила от меня оплеуху. А кто не влепил бы ей эту пощечину?»[4] Кто-то бы точно и не влепил, но судя по всему, ни он, ни его сестра, которые не комментировали это высказывание, очевидно, не могли себе этого даже представить.

Было понятно, что таким способом, домашнее обучение продолжаться не может. В тот момент к Вере приехала погостить Мария Машкова, мать погибшей в 1972 году известной чехословацкой фигуристки Ганы Машковой, поэтому Вера попросила её позаниматься вместе с Радкой математикой (они были хорошо знакомы уже дома, для детей она была тётей Ганой). Вере часто помогала и её подруга Мирослава, живущая неподалеку, в дипломатическом квартале. Но приглушить домашние конфликты это не помогло. Все чаще о них знало и все чехословацкое посольство.

По приезду в Мексику, семью Одложиловых получил на попечение дипломат, а в прошлом чехословацкий легкоатлет в тройном прыжке, поэтому он прекрасно понимал суть их работы. Но вскоре Вера к нему стала обращаться с просьбами о помощи, что в итоге происходило практически ежедневно, а если Вера, не звонила в посольство на протяжении всех выходных, то они начинали переживать, что в их семье случилось что-то неладное. Начиная с весны 1980, супруги Олдожиловы жили в одной квартире, но не общались друг с другом и оба неоднократно заявляли, что эта формально совместная жизнь будет длиться только до их возвращения в Прагу.

Как бы развивались отношения между ними, если бы Вера решила остаться в Мексике? Когда в 1981 году, близился конец её пребывания в стране, Национальный институт спорта Мексики, организующий их пребывание, предложил ей продлить контракт. Тогда Вера отказалась и вместе с детьми вернулась в Чехословакию. Вера даже не стала раздумывать о том, чтобы принять это заманчивое предложение, чему

способствовал ряд трагических событий, произошедших в семье, в Чехословакии. Весной 1980 года ей в Мексику пришло письмо от мамы, с просьбой приехать домой, так как её отец серьезно болен раком. Вера нашла предлог, чтобы выехать из Мексики: в июне 1980 года как раз проходила IV спартакиада, поэтому она выдумала причину, по которой её участие на спартакиаде обязательно. По приезду она поехала сразу в Черношице и застала медленно умирающего отца. Ещё до недавнего времени, это был мужчина полный сил, но теперь это был старый человек. При прогулке он уставал и через каждые пару метров ему нужно было присесть отдохнуть, для этого ему расставили по всему двору стулья. С улыбкой он ей рассказывал, что уже даже в доме он не может выйти наверх по лестнице, поэтому он вынужден лезть на четвереньках. Спустя неделю проведенную дома, Вере пришлось возвращаться обратно, и по пути в аэропорт она всю дорогу проплакала. Через несколько дней, после её возвращения в Мексику, отец умер. На его похороны она уже не смогла вернуться.

Её муж всегда хотел остаться за границей, но Вера наоборот хотела вернуться домой любой ценой и возможность эмиграции даже не рассматривалась. Как ни парадоксально, но когда их двухлетнее пребывание близилось к концу, то мексиканская сторона предложила продление контракта только Вере, а её мужу нет. Свою роль в этом сыграла и афера Йозефа с молодой мексиканской легкоатлеткой, его воспитанницей. Только уже в Праге Вера узнала, что родители девушки жаловались на тренера своей дочери в посольстве Чехословакии.

В марте 1981 года, незадолго до своего отъезда, он написал письмо в «Прагоспорт», с просьбой продлить его контракт в Мексике на год, а в конце письма добавил, что он хочет еще три месяца в неоплачиваемом отпуске. Йозефу тогда пришла в голову идея, поехать в Непал и стать первым чехословаком, покорившим самую высокую гору мира. «При подготовке своих воспитанников, я практиковал высокогорные тренировки», - писал он, - «5 раз в неделю на высоте 2800-3100 м., один раз в неделю на высоте 3800-4200 м… Я настолько адаптировался, что высота около 5500 м. для меня не составляет практически никакого труда».[5]

В итоге, его план не удался из-за недостаточной заинтересованности мексиканской стороны. Свою жену он позже так и не перестал упрекать в том, что она недостаточно поддержала его план, и вообще сорвала его своим решением вернуться в Чехословакию. Еще после событий в ноябре 1989 года[VII], при переговорах о воссоздании чехословацких спортивных органов, Йозеф выразился следующим образом: «Я ужасно хотел отправиться в Гималаи и подняться на Эверест, но моя бывшая жена решила, что мы едем домой. Я мог или эмигрировать или вернуться в Чехословакию. Поэтому потом все как-то начало складываться совершенно по-другому».[6]

В итоге, его контракт истек раньше, чем контракт Веры, поэтому он вернулся домой на четыре месяца раньше. Уезжать он не хотел и перед отлетом написал в посольство письмо, в котором дал понять, что Вера вполне может решить остаться в Мексике как эмигрантка, и что тем самым он может лишиться детей. (Сам он увезти детей не мог, так как у Радки уже был собственный паспорт, к тому же она отказывалась ездить куда-либо с отцом, а Мартин был записан в паспорте матери.)

Домашняя обстановка, обостренная уже на протяжении многих месяцев, наконец-то после его отъезда, успокоилась. Кроме Веры, вздохнули с облегчением и работники посольства. Но прошел месяц и в конце мая 1981 года, Йозеф объявился снова в Мексике. В этот раз он вернулся уже по туристической визе, через Соединенные штаты, где останавливался у своего зятя дипломата в Вашингтоне. Он заявил Вере о своём намерении ни на шаг от неё не отходить до самого конца её, грубо говоря, ещё трехмесячного пребывания. Он следовал за ней, словно тень. На своём новом «Форде Мустанг», он

[VII] Автор имеет ввиду «Бархатную революцию», протесты против политического режима в Чехословакии, в ноябре – декабре 1989 года. – Прим. перевод.

преследовал её повсюду, куда бы она ни поехала с детьми, а когда они вместе с Марией Машковой «тётей Машей» отправились в Акапулько, он даже тогда следил за ними.

Тогда Вера уже боялась Йозефа, поэтому отказалась впустить его в их квартиру, арендованную специально для тренеров, а так как её муж уже не работал тренером в Мексике, то логически, что и в этой квартире ему делать было нечего. Однажды, он влез в квартиру через окошко в ванной комнате и в гостиной застал Веру врасплох. Вера вызвала полицию. Приехавшие сотрудники полиции застали чешскую семью в полном составе: двоих детей, жену и сидящего в кресле мужа, который с невозмутимым спокойствием им сказал: «Все в порядке, я муж этой женщины». После этого полиция уехала.

Обратно в Чехословакию она вернулась в конце летних каникул в 1981 году, после истечения контакта. Домой они с мужем возвращались по отдельности, Вера летела с детьми и снова в сопровождении Марии Машковой, не сказав мужу на какую дату заказаны билеты. Прилетев в Прагу, вместо того, чтобы поехать с детьми в квартиру в городской части Дейвице, они отправилась сразу к маме в Черношице. В довершение всех тех забот, свалившихся неё, в начале 1981 года, у её мамы случился инфаркт. Сначала, Вера подумывала о том, чтобы всем вместе жить в Черношице, где она бы смогла заботиться о маме, но совместить это все с семейным режимом, а особенно с необходимостью детям ездить в школы в Праге, было невозможно. Поэтому вместе с детьми они вернулись квартиру в Праге, но мать она взяла с собой.

С мужем они тогда хладнокровно и прагматично договорились жить вместе в одной квартире, но отныне каждый порознь. Квартира будет между ними разделена так же, как была разделена квартира в Мексике: его комната будет вместо бывшей спальни, а Вере с детьми достается все остальное. В скором времени выработался режим, с помощью которого они друг с другом общались, только лишь случайно встретившись. «Привет» и «Добрый день» - это все, что им требовалось.

Так они жили вплоть до 1982, пока не умерла мать Веры. Она привыкла, что та помогала ей с детьми, но теперь Вера осталась с ними совершенно одна.

БОРЬБА ЗА ДЕТЕЙ

Отношение отца к дочери было непонятным. Как будто она с самого начала его чем-то раздражала, возможно самим своим существованием. У него к ней так никогда и не появилось нормального отношения, основаного на уважении и толерантности. К ней он применял всегда лишь свое умственное и физическое превосходство. От обоих родителей Радка унаследовала разные таланты, у неё были разносторонние способности к иностранным языкам и к спорту, но авторитарное школьное воспитание было не для неё. Отец, однако, предпочитал именно такое воспитание, поэтому их конфликты по поводу обучения случались практически ежедневно.

Если дочь, к примеру, не понимала математику, отец раз и навсегда делал вывод, что она глупая и после этого, всегда к ней относился именно так. Она ему оплачивала той же монетой, поэтому, когда у неё наступил подростковый возраст, их отношения были полностью на нуле. Они стали игнорировать друг друга. Со стороны отца это проявилось, например, прекращением финансовой помощи в вопросе её питания, незадолго до совершеннолетия дочери. В 1981 году, после возвращения из Мексики, детей обеспечивала только лишь мать, а в 1987 году, Радка, уже будучи совершеннолетней и готовясь к учебе в университете, описала всю ситуацию в письме Районному суду Праги 6[VIII] с просьбой, чтобы отец высылал для неё с братом по пятьсот крон ежемесячно.

Даже несмотря на разделение квартиры, домашнюю обстановку успокоить не удалось, дети и дальше продолжали становиться свидетелями частых ссор. Они

[VIII] Один из административных районов г. Праги, с 1960 – 1990 всего 10, Прага 1- 10. – Прим. перевод.

становились не только свидетелями, но и участниками этих ссор, используемыми одной из сторон в борьбе против второй стороны. Тяжелее всего это переживал младший сын Мартин, который в этой безвыходной для него ситуации, нашёл себя в качестве маминого рыцаря и защитника. Как и всем остальным детям, ему нужно было привыкнуть к обоим родителям и вобрать в себя лучшие качества от отца и матери, но от него требовалось скорее подтверждение, что второй родитель плохой. Позже, родственники Йозефа обвиняли Веру в том, что она настраивала детей против отца, но это так и никогда не было доказано. Впрочем, Вера в этом и не нуждалась, потому что для того, чтобы у детей сложился негативный образ об их отце, вполне хватало того, что они были свидетелями того, что творилось дома.

Йозеф съехал из квартиры ещё до развода, но и дальше продолжал туда ходить и выносить вещи. Когда Вера поменяла замок, он пришёл с дрелью и стал угрожать, что он попадёт в квартиру насильно, если она его не впустит, поэтому ей пришлось снова дать ему ключи. В результате, когда им с детьми нужно было на длительное время уехать из квартиры, они переносили вещи, к примеру, телевизор, в квартиру к управляющей домом. Он мог прийти с большой овчаркой и залезть с ней прямо в ванную комнату к Вере. После этого, опасаясь, чтобы с матерью ничего не случилось, Мартин всегда брал стул, садился перед ванной комнатой и сторожил её, пока мать была внутри, чтобы в случае чего её защитить. В конечном счете, отец приехал с мебельным фургоном и в сопровождении своего племянника отвёз из квартиры мебель, включая постели из детской комнаты.

Вере показалось, что он, возможно, хочет заполучить все имущество, тогда пусть он его забирает, но дети останутся с ней. С этим Йозеф мириться не хотел хотя бы из-за сына и всячески желал перетянуть его на свою сторону. Но как-будто он предчувствовал, что проигрывает в битве за сердце собственных детей, поэтому перед бракоразводным судом стал высказываться о них с тем же презрением, с каким он высказывался о собственной жене. Он жаловался также, как он это делал уже пару лет назад. «Когда мы поженились, то у неё были значительные проблемы с готовкой, уборкой... С работы она обычно возвращается в 19:00 и часто работает в субботу и в воскресенье... Она крайне амбициозный человек» и т. д.[7] Вера никогда ему не простила, что таким же способом он нападал на дочь с сыном. Их поведение и успеваемость в школе стали обсуждаться при повторных бракоразводных судебных разбирательствах.

В итоге в суде была и классная руководительница Мартина из начальной школы на Сушицкой улице, защищавшая Мартина от критики его отца. По её мнению у Мартина нет проблем ни с успеваемостью, ни с поведением, как твердит его отец. Мартин не прогульщик и кроме обычных качеств, он обладает и незаурядными качествами. «Я ценю в Мартине то, что если он напроказничает, как и любой другой мальчик, то он извинится и признает свою ошибку». Учительница назвала несколько случаев плохого общения отца с сыном, которые она заметила, а также то, что в последнее время Мартин ей кажется нервным. «Где-то две недели назад, я узнала, что в дневнике у него перечёркнуты подписи отца. Я сказала ему, что так делать нельзя, так как это официальный документ, на что он мне ответил, что отец этого не заслуживает, он не имеет право на его оценки, потому что с ним училась только мама. Ещё он мне сказал, что не знает как себя вести, потому что когда отец злится на него из-за чего-то, то говорит, что в этом виновата мама, а когда он ведёт себя хорошо, то это наоборот заслуга отца. На это все я сказала ему, чтобы он вёл себя просто как обычный мальчик».[8]

В том же доме, вместе с семьёй Одложиловых, проживали супруги Вацлав и Вера Бржихачковы, два именитых психолога и судебных эксперта в данной области. Особенно Вера Бржихачкова видела как растут дети с самого рождения, знала, какая дома царит обстановка и пыталась помогать Вере. В ноябре 1987 года она, к примеру, написала в Районный национальный комитет в Праге 7, в отдел по вопросам детей и юношества, о том, что 16 октября 1987 года она застала детей в очередном шоке после конфликта с отцом: "Радка заявила, что отец ей угрожал, что выбросит её из окна".[9] В январе 1989

года, перед судом, она сослалась на письмо для Праги 6 в котором, она описала ситуацию в семье, какой она видилась ей на протяжении этих лет. «Отец не проявлял никакого интереса к детям». Она рассказала о том, как однажды отец вывез из квартиры, в которой они тогда жили, мебель, ковры, люстры, отключил и забрал стиральную машину и т.д. «Не осталось даже постелей для детей, и им пришлось спать на полу... После этого, отец потерял последние остатки уважения в глазах детей».[10] На основе этих и других событий, Бржихачкова обратилась к суду с просьбой запретить Йозефу входить в квартиру.

Как показала назначенная судебная экспертиза, физическое насилие случалось в семье чаще и не происходило только в течение какого-то короткого промежутка времени. «Когда я раньше заступался за маму, то отец бил меня почти как маму», - Мартин рассказал экспертам. Его сестра про отца сказала: «Он сильно оскорбляет и толкает маму». Даже сама Вера однажды решилась признаться экспертам: «Он беспрестанно оскорбляет меня перед детьми».[11] Однако, в то время, домашнее насилие воспринималось снисходительнее, чем сегодня, поэтому результаты судебной экспертизы удивили: недостатки, в которых отец обвиняет детей, часто встречаются у других детей, но и отношение отца к детям, не переходит допустимые границы. Суд порекомендовал, чтобы дети виделись с отцом как и прежде.

На агрессию по отношению к себе, Вера реагировала молча, но ни суду, ни самым близким друзьям, она тогда не признавалась, что он бьет её. За себя Вера не боролась. Но она не выносила агрессию отца к детям. Семья была для неё бандой (или как она говорила "крепостью"), которая держится вместе, во что бы то ни стало, даже если нужно противостоять всему миру. Она сама сделала бы для своих детей что-угодно, но Йозеф, старался всячески доказать им, что Вера о них плохо заботится и тем самым наносил ущерб и им тоже. Узнав, к примеру, о том, что их мать написала детям придуманную справку в школу (в то время когда как, на самом деле, они были в горах), он об этом рассказал. Как бы школа на это не отреагировала, вряд ли бы это принесло детям пользу. Родители, которые хотят воспитывать своих детей, точно не будут при этом опускать их в глазах окружающих.

«Я не понимаю, как так можно, чтобы собственный отец так нечестно, гадко и подло говорил о своих детях, они же для него должны быть всем!!!», - написала в августе 1987 года Вера в бракоразводный суд. «Как можно убеждать классного руководителя, суд и общественность в том, что это не его сын! Он плохой, вредный, непослушный, он ребёнок улицы... и т.д., другими словами негодяй и мерзавец, член какой-то выдуманной компании терроризирующей окружающих. Такая ирония! Мартин занят настолько, (ежедневно у него теннис, два раза в неделю дзюдо, плавание, один раз в неделю испанский язык, математика, занятия после школы, занятия в школе после уроков по чешскому языку), что у него нет времени стать даже членом Союза по защите животных, не говоря уже о вышеуказанной компании».[12]

Её повергало в шок, что отец может по любой т. н. причине назвать своих собственных детей «некачественными» (именно это слово написала Вера бракоразводному судье, но на самом деле Йозеф использовал более грубое выражение), и оправдать этот поступок по её мнению было невозможно. Она была ошарашена, когда он отказался дать Радке своё согласие на поездку в Италию с секцией по гимнастике, потому что утверждал, что это все только благодаря известной матери и что там она будет лишь занимать место настоящей гимнастки. А весной 1986 года, после событий в Чернобыле, Йозеф удивил её снова, когда не согласился с тем, чтобы Вера написала дочери, которая на тот момент заболела, извинительную записку, чтобы не ехать на сбор урожая хмеля. В суде он впоследствии сказал: «Если могут быть облучены другие дети, значит может быть облучена и Радка Одложилова».[13]

Он уверял, что любит своих детей, но был так ослеплён своим желанием обидеть и уничтожить их мать, что обижал и унижал на протяжении всех этих лет и детей. Пережив все эти страдания, Радка после развода родителей и после того, как Вера обратно взяла

свою девичью фамилию, тоже захотела взять мамину фамилию. Она подала заявление в суд, и тот одобрил её просьбу. Мартин оставил себе фамилию отца.

Несмотря на то, что по решению суда с 1988 года, дети должны были видеться с отцом, как и прежде, их совместные отношения после развода оставались такими же, какими были до этого все эти годы. То есть никакими. Что касается их отношений с Радкой, то видеться с ней не хотел сам отец, а Мартин отказался видеться с ним и избегал отца вплоть до их последней, судьбоносной встречи в августе 1993 года. Они не писали друг другу писем с поздравлениями на Рождество или с юбилеем. Сохранилось лишь одно единственное письмо, написанное Йозефом в августе 1991 Мартину, в канун его семнадцатилетия. В письме Йозеф писал о своих воспоминаниях, давал советы и предложил руку помощи, но Мартин оставил письмо без ответа. По отношению к отцу, он тогда сжёг все мосты, жил, как будто отца у него и нет, а если он был вынужден что-то с ним решать, то называл его как будто чужого человека, по имени и отчеству.[14]

О том, что Вера стремится к новой жизни и что она способна начать её, свидетельствовало её решение построить новый совместный дом. За деньги, заработанные в Мексике, она купила земельный участок в элитном пражском жилом районе Ганспаулка, и наняла архитектора. Дом планировали построить большим и просторным, чтобы в нем ей было удобно жить с детьми. Вера старалась изо всех сил, чтобы её дети жили лучше, чем когда-то жила она, чтобы им не пришлось жить в маленькой комнатушке для прислуги, как их маме, на четвертом этаже многоэтажки, близко к виадуку, в пражском районе Карлин.

Дети были для Веры смыслом её жизни. Того, чего они были лишены в минувшие годы, они теперь вместе все наверстают. Вера им сама компенсирует отсутствие отца и позаботится, чтобы у них была достойная жизнь. Вскоре после развода Йозеф снова женился и обзавелся ещё двумя детьми, а Вера решила остаться с Мартином и Радкой. Мартин учился в престижной пражской гимназии «Над Штолоу», Радка сдала вступительные экзамены на Факультет физического воспитания и спорта, и казалось, что она пойдет по стопам матери. Смыслом новой жизни должна была стать забота о детях. Вера делала это с полной отдачей, как привыкла в своей жизни делать все и всегда.

Позже она написала Мартину следующие строки: «Я всегда старалась, чтобы у вас были и довольно обыденные вещи, а в Твоём случае это были теннисные корты и надувные спортивные залы, хорошие тренера и педагоги, Лудек Штепанек, Мартин Крбец, Луцка Мигасова и много других. Ты совершенствовался в плавании и улучшал свою физическую кондицию с престижным тренером Поледником, …» Даже во времена позднего тоталитаризма, её дети не ощущали материального недостатка. Как одни из первых в Праге, они приобрели спутниковый телевизионный приёмник, но Веру позже терзала мысль о том, что, как ей казалось, они никогда достаточно не ценили того, что имели. Например, даже после событий в ноябре 1989 года, они могли сопровождать мать в поездках за границу: «Мало кому из Твоих ровесников, тогда выпала такая удача, чтобы побывать в Японии, Мексике, Индонезии, Швеции, Норвегии, Англии, Франции, Канаде, США и других странах».[15]

Ей даже удалось и то, что она тогда считала своей личной победой. После того, как муж отсудил себе дачу в поселке Бела-под-Прадедем, которую особенно любил Мартин, она приобрела земельный участок в той же деревне, даже несколько сотен метров от дома, куда перед этим они ездили всей семьей. Место она нашла случайно. Однажды, приехав на автобусе в Белу-под-Прадедем, она вышла на автобусной остановке и, решив на минутку укрыться от людей, дошла по склону до этого самого места, где в итоге и уснула. Ей приснилось, что она нашла место для дачи, а когда проснулась, то осознала, что сон стал реальностью: то, что она видела во сне, теперь было вокруг неё. В населенном пункте она обговорила покупку этого земельного участка. Участок оказался свободным, теперь оставалось «дело за малым» - построить дачу. Построить при параллельно проходящей стройке виллы в Праге, без помощи строительной фирмы и своих собственных сил.

Большую часть этой тяжелой работы осуществил Мартин с помощью пары соседей.

Её сын был счастлив, что теперь он снова мог ездить в горы и что ему было где остановиться. Вера была городским ребенком, но он полюбил природу с самого раннего возраста. Как-то в детстве, на даче в Есениках случилось, что попавшая в дом бабочка, залетела за шкаф и не могла оттуда выбраться. Мартин начал плакать и плакал до тех пор, пока родители не отодвинули шкаф и не освободили бабочку. Эти впечатления позже формировали его любовь к природе, которая у него сохранилась на всю жизнь. Однажды в Мексике, когда он был еще ребенком, телерепортер из одного телешоу Веры, спросил, откуда он, на что Мартин ответил, что он не из Чехословакии, а из «Есеников». Его страна, дом, его вселенная, все это было в горах.

В конечном счете, получилось, что каждый год на летние каникулы в Есениках собиралась почти вся бывшая семья: на одной даче Йозеф Одложил со своей новой женой и детьми, на второй даче - Вера с Радкой и Мартином, а в третью переехала сестра Йозефа.

---

[1] *Josef Odložil vypráví...,* Praha 1967, s. 12
[2] J. Odložil: Autogramy místo oběda, *Lidová demokracie* 30.10.1968
[3] Z. Petráček: Největší Češkou je Čáslavská, *Lidové noviny* 7.12.2010
[4] M. Ševčíková:*Prostě, zabil jsem svého otce*, Praha 2003, s.19
[5] J. Odložil řediteli Pragosportu 10.3.1981, kopie strojopisu, archiv V. Č.
[6] J. Odložil: Poslal jsem dopis Himlovi...Záznam diskuse v redakci Čs. sportu, 8.2.1990, kopie strojopisu, archiv V. Č.
[7] Rozvodový soudní spis čj.6 C8/87
[8] Tamtéž, výpověď učitelky J. Šipanové
[9] V. Břicháčková v přípisu Oddělení péče o dětí a mládež ONVv Praze 6, 7.11.1989, kopie strojopisu, archiv V. Č.
[10] V. Břicháčková Obvodnímu soudu pro Prahu 6, 5.1.1989, kopie strojopisu, archiv V. Č.
[11] Rozvodový soudní spis čj. 6 C 8/87
[12] V. Čáslavská Obvodnímu soudu pro Prahu 6, 29.8.1989, kopie strojopisu, archiv V. Č.
[13] V. Č. autorovi 23.2.2012
[14] M. Švečíková: Prostě, zabil jsem svého otce, Praha 2003, s. 19
[15] V. Čáslavská M. Odložilovi 31.10.09, e-mail z archivu V. Č.

2. Комментарий к переводу

2.1 Анализ текста оригинала

2.1.1 Об авторе

Павел Косатик - известный чешский журналист, писатель и публицист, сценарист, автор нескольких десятков книг, большинство из которых биографии известных чешскому читателю личностей - Веры Чаславской, Ольги Гавловой (*Pavel Kosatík: Člověk má dělat to, nač má sílu – Život Olgy Havlové)*, Яна Масарика (*Jan Masaryk: Pravdivý příběh)*, и др. Совместно с вышеуказанными книгами, к его самым популярных изданиям можно отнести также истории десяти жен чехословацких, а позже и чешских президентов *(Manželky prezidentů – Deset žen z Hradu)* или книгу о пятидесяти самых выдающихся чешских политических деятелях (Čeští demokraté – 50 nejvýznamnějších osobností veřejného života). Его книги характерны поиском героев с незаурядной историей, проживших некие запоминающиеся события, совершившие незабываемые поступки.

Что касается автобиографических данных об авторе, то стоит отметить, что начал П. Косатик писать в 80 годы и желая сбежать от реальности того времени нашел себя в научной фантастике. Он издавал журналы в жанре научной фантастики для своих друзей и печатал самиздатные иностранные публикации. Перемены принес 1989 год, когда с другом И. Пехаром, они решили основать издательство детской литературы, но вскоре оно обанкротилось. Через некоторое время с М. Трештиком основали издательство, деятельность которого можно наблюдать и сегодня. Но вскоре, в 1992 П. Косатик решил продолжить работать отдельно в качестве редактора в популярной чешской газете Mladá fronta dnes. В 1993 была издана его первая популярная среди читателей книга о жизни жен президентов, после чего он связал свою литературную деятельность с историей на долгие годы. Вместе с М. Коларжем, они в течение следующих шести лет работали над книгой о жизни Яна Масарика, за которую в 1999 году им была вручена награда от издательства Mladá fronta dnes. В течение этого времени, П. Косатик, параллельно, издавал и другие книги, биографии других популярных личностей, одну из них о бывшей жене Вацлава Гавла, Ольге Гавловой. Книга оказалась очень популярной среди читателей. После этого с П. Костиком связалась жена известного чешского писателя, драматурга и публициста

Фердинанда Пероутки для работы над книгой о его жизни, которая была выпущена только лишь в 2003 году. (*Ferdinand Peroutka: Pozdější život (1938–1978)*. Книга получила награды и была высоко оценена читателями.

В 2010 году П. Косатик познакомился с Верой Чаславской. Хоть он и считает, что 1989 год был довольно важным годом для всего народа, но 1968 год, для него, все-таки, является тем самым переломным моментом, когда общество в идейном плане стремилось намного дальше, чем в 1989 году, заполучив почти все готовое. Вера Чаславска для него до сих пор остается неким символом именно того времени. Она была сильным и смелым бойцом, но в то же время невероятно доброй и красивой женщиной, чередуя две эти стороны всю свою жизнь.

В настоящее время П. Косатик продолжает радовать читателей своими книгами. В 2009 году он стал лауреатом 15-й премии имении Фердинанда Пероутки. С 2008 года П. Косатик возглавляет выходящее раз в три месяца издание «Народни 3» Академии Наук Чешской Республики.

Идеи для своих книг и киносценариев, П. Косатик, как правило, черпает из исторических моментов в судьбах интересных личностей чешской истории и современности. Он старается освещать события в более широком контексте, выражая свою позицию и оценку происходившего.

2.1.2 Внетекстовые аспекты

2.1.2.1 Место и время

Книга Вера Чаславска – Жизнь на Олимпе была издана в издательстве Mladá fronta в 2012 году в Праге. Не смотря на общемировую известность гимнастки, (только лишь Вере Чаславской и советской гимнастке Ларисе Латыниной, за всю историю спортивной гимнастики, удалось дважды выиграть абсолютное первенство в олимпийских играх) книга на русский язык ранее не переводилась. Исходный текст можно в соответствии со стилистическими особенностями назвать современным, поэтому во время чтения не возникало проблем с пониманием.

2.1.2.2 Целевая аудитория

Книга адресована всем интересующимся жизнью выдающейся спортсменки. Текст изложен понятным языком, что делает его доступным широкой чешскоязычной аудитории, среди которой вряд ли найдется человек никогда в жизни не слышавший имя Вера Чаславска. Автор, однако, предполагает у читателей наличие базовых знаний из истории, в частности истории страны, а также общую осведомленность о реалиях существовавших во времена ЧССР.

2.1.2.3 Функция текста

В книге описывается весь жизненный путь известной гимнастки Веры Чаславской, одной из самых выдающихся женщин в истории чешской современности, с самого детства, с момента становления её спортивной карьеры, через все её взлеты и падения, семейные драмы и разочарования.

Так как в книге освещаются реальные события, места и люди, то можно говорить о функции информативной, в то же время на читателя действует и функция эстетическая, что в свою очередь делает его книгу популярной для широкой публики.

2.1.3 Внутритекстовые аспекты

2.1.3.1 Тема и содержание

Выбранный текст представляет собой отдельные главы из книги Павла Косатика «Вера Чаславска - Жизнь на Олимпе» (Pavel Kosatík: *Věra Čáslavská – Život na Olympu*). Темой является жизнь выдающейся чехословацкой гимнастки.

В первой главе «Свадьба века» описывается период жизни Веры Чаславской во время олимпийских игр в Мексике, где она во второй раз стала абсолютной чемпионкой игр и сыграла «самую звёздную свадьбу» в истории Чехословакии. Автор нас знакомит с историей её знакомства с будущим мужем Йозефом Одложилом, с их отношениями и с самим Йозефом, а также с тем как проходила эта удивительная свадьба.

Во второй главе «Мексика II», мы узнаём о жизни Веры после свадьбы, после получения

рабочего предложения из Мексики, куда они отправились всей семьей. Также о двух трагедиях, которые случились в её семье в течение этого времени, о семейных конфликтах и разладе отношений с супругом.

Последняя глава «Борьба за детей» описывает противостояние Веры и Йозефа в вопросе воспитания детей, их бракоразводные процессы и отношения детей с отцом.

Текст однороден и разделен на абзацы. Для полного образа он дополнен фотографиями из жизни Веры Чаславской и её семьи. Учитывая то, что книга биографична, события описываемые в книге имеют хронологический порядок.

2.1.3.2 Стилистика исходного текста

Исходный текст относится к художественно-публицистическому стилю, поэтому в нём присутствуют характерные особенности обоих этих стилей. Учитывая публицистический стиль, тексту свойственна документальность, достоверность фактов, эмоциональность и образность. В тексте описываются реальные события, происходившие с реальными людьми. Функции текста как информативная, так и эстетическая. При переводе следует обратить особое внимание на перевод устойчивых выражений, фразеологизмов, а также присущую некоторым словам экспрессивность и эмоциональность. Используемые эмоциональные средства сочетаются с логичностью и доказательностью, присущей публицистическому стилю.

2.1.3.3 Лексика исходного текста

Язык исходного текста преимущественно нейтральный, но наряду с ним, автор использует разговорные, неформальные выражения, что связано со стилем автора. В тексте часто встречаются топонимы, антропонимы, другие собственные названия, а также выражения на испанском языке. В тексте также встречается большое количество устойчивых выражений, фразеологизмов, которые автор использует для придания тексту выразительности.

2.2 Переводческая концепция

В качестве переводческой стратегии мы использовали методологию Иржи Левого, выдающегося представителя чешской переводческой школы, которая подразумевает «1) поиск объективной идеи произведения, 2) интерпретационная точка зрения переводчика, 3) интерпретация объективных ценностей произведения, исходящая из данной точки зрения – переводческая концепция и возможность «переоценки» произведения» (Levý, s. 59).

В исходном тексте присутствует прямая речь, которая в некоторых случаях имеет сноску со ссылкой на источник, откуда данная прямая речь была взята. Сноски, добавленные автором, указаны в арабских цифрах и находятся в конце перевода.

Мы в свою очередь, в рамках прагматической адаптации, внесли в перевод свои переводческие примечания, разъясняющую некоторую информацию читателю перевода. Примечания переводчика указаны в римских цифрах и находятся внизу страницы.

2.3. Типология переводческих проблем и способы их решения

2.3.1 Лексический уровень

2.3.1.1 Топонимы

В исходном тексте присутствует большое количество географических названий. Помимо хорошо знакомых русскому читателю топонимов, таких как *Прага, Токио, Мексика, Хельсинки, Куба, Братислава, Непал* и др., при переводе которых не возникало проблем, в исходном тексте также присутствует немалое количество названий, которым было необходимо уделить особое внимание.

При переводе большинства чешских географических названий, например, гор и возвышенностей: *Jeseníky (Есеники), Šerák (Шерак), Keprník (Кепрник), Praděd (Прадед), Velké vodopády (Высокий водопад)*, рек: *Bělá (Бела), Berounka (Бероунка)*, городов: *České Budějovice (Ческе-Будеёвице), Ostrava (Острава)*, и др., населенных пунктов: *Domašov (Домашов), Černošice (Черношице), Všenory (Вшеноры)* и др., мы справились с помощью словарей и Интернет-источников.

Помимо остальных фраз на испанском языке, в тексте присутствует название исторической площади *Zócalo* в Мексике. В исходном тексте, автор не переводит данное название, поэтому мы решили поступить тем же способом и сохранить его историческое название, существующее в русском языке.

2.3.1.2 Антропонимы

В тексте также встречается большое количество антропонимов. Большинство из них имена известных спортсменов: *Вера Чаславска, Йозеф Одложил, Эмиль Затопек* и др., политических деятелей: *Хосе Лопес Портильо, Фидель Кастро* и др., других выдающихся лиц напр.: *Иоанн Павел II, Педро Рамирес Васкес, Карел Крыл* и др.

Антропонимы, встречающиеся в исходном тексте и не имеющие своего устоявшегося эквивалента в русском языке были транскрибированы в соответствии с правилами разработанными Ермоловичем Д.И.

Пример: *Věra Břicháčková (Вера Бржихачкова)* и др.

В некоторых случаях автор приводит лишь фамилию без имени, например:

„… se stal nejúspěšnějším novodobým čs. běžcem po Zátopkovi.“

«… он стал самым успешным чехословацким легкоатлетом современности, после Эмиля Затопека.»

Или

„…tejdejšího mexického prezidenta Portilla...“

«…президента Мексики Хосе Лопеса Портильо…»

В данных случаях мы приняли решение перевод дополнить полным именем.

В исходном тексте мы обнаружили определенное несоответствие между некоторыми именами, указанными в книге и их написанием, которое нам удалось найти в ходе поисков. В книге автор указывает имя одной чехословацкой легкоатлетки: *Milena Rezková-Hybnerová*, в то время как наши поиски показали, что её имя *Miloslava Rezková-Hübnerová.* Конечно, в данном случае, благодаря известности спортсменки, нам удалось правильно перевести её имя, но в некоторых случаях данный факт может значительно затруднить процесс перевода.

Следующее такое несоответствие мы обнаружили в случае написания имен на испанском

языке. В оригинале присутствует имя архитектора *Pedro Ramires Vasques*. Наши поиски, опять же, указали на правильное написание имени *Pedro Ramírez Vázquez*. Разумеется, по сравнению с предыдущим случаем, несоответствие не столь важно, потому как ни оригинал, ни перевод не предусмотрен для испаноязычной публики.

2.3.1.3 Другие имена собственные

В тексте оригинала встречаются названия спортивных клубов, организаций, органов правосудия и др.

Например, *metropolitní katedrála Panny Marie Guadeloupské (кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы)*. Так как это довольно известное сооружение, то изначально мы предполагали, что и в русском языке присутствует его название. Мы провели поиски, и нашли русское название, которое мы использовали при переводе.

При переводе названий, не столь популярных и знакомых русскому читателю, мы проводили соответствующий поиск русских аналогов, и в случае его отсутствия в русском языке мы транскрибировали название, например: *Rudá hvězda Strašnice («Руда Гвезда» Страшнице), Slovan («Слован»), Dukla («Дукла»)*, учитывая особенности оформления названий в обоих языках.

Название книги, присутствующее в тексте оригинала, мы соответственно нашли в русском языке, что нам удалось, так как речь идет о небезызвестной книге «*Пирамида Кецалькоатля»*. Перевод мы использовали опять же, учитывая особенности оформления названий книг в русском и чешском языках.

2.3.1.4 Другое

В тексте оригинала присутствует несколько фраз на испанском языке. Фразу La nóvia de Mexico автор не дополнил ни переводом, ни поясняющей информацией. «Если на фоне общенационального языка использован местный диалект или иностранный язык, чужеродная языковая система сама становится художественным средством и, как таковое, непереводима, поскольку в основе перевода лежит именно замена языкового материала» (LEVÝ, 137). Соответственно, в данном случае мы не переводили фразу. Остальные фразы на испанском языке, дополненные чешским переводом, мы дополнили переводом на русском языке.

Рассмотрим следующий случай присутствия испанской лексики. В тексте подлинника, для обозначения крёстного отца использовано слово «padrino», которое, как мы полагаем, ни чешскоязычному, ни русскоязычному читателю, без определенных знаний испанского языка, непонятно. Данное слово находится в самом предложении, взято в кавычки, а творительный падеж этого слова на чешском языке, в целом выглядит более гармонично, нежели выглядел бы на русском. Поэтому в данном случае, мы решили перевести обозначение на русский язык.

„Domácím „padrinem“ svatby byl architekt Pedro Ramires Vasques,...“

«Местным «крестным отцом» свадьбы стал архитектор Педро Рамирес Васкез,...»

2.3.1.5 Перевод фразеологизмов

Текст содержит довольно большое количество устойчивых выражений. «Как лексические единицы переводятся устойчивые словосочетания, идиомы и большинство пословиц и поговорок. Если смысл целого не равнозначен в переводе сочетанию частей, а представляет собой новое семантическое качество, приходится заменять его подобным же единством из арсенала образных выражений, распространенных на языке переводчика» (LEVÝ, 141). Ниже мы рассмотрим некоторые примеры, присутствующие в тексте:

„... syn znal brzy hory jak své boty.“

«... в скором времени сын знал горы как свои пять пальцев».

„... a pak všem čs. atletům vytřel zrak.“

«... но он утер нос всем чехословацким атлетам».

„Měla gymnastiky plné zuby,...“

«Она была сыта по горло гимнастикой,...»

При поиске данных эквивалентов в русском языке, проблем не возникло.

Рассмотрим следующий пример:

„…v telocvičně vypadalo jako v židovské škole,…“

Поиски в соответствующих источниках нам подсказали значение этого фразеологизма и его эквивалент в русском языке, однако, нам показалось более подходящим в данном случае использовать описательный метод:

«На первых тренировках был галдёж и хаос,…»

Внимание от нас требовалось при понятии и выборе правильного эквивалента для перевода следующего фразеологизма:

„Nakonec to vzdal, bylo to boží dopuštění.“
«В конце концов, он сдался, так как там творилось вавилонское столпотворение».

Автор целенаправленно выбрал фразеологизм, происхождение которого из Библии, так как ситуация в отрывке происходит в соборе при свадебной церемонии. В то же время его целью было описать царивший там беспорядок и суматоху. Нам удалось найти подходящий эквивалент в русском языке.

2.3.2 Стилистический уровень

Согласно жанрово - стилистической классификации по В.Н.Комиссарову, мы можем предположить, что текст относиться к информативному виду перевода, так как основная его функция заключается в передаче информации. Но также необходимо добавить, что в тексте все-таки присутствует функция воздействия на читателя. Автор использует элементы разговорной речи, эмоциональную окраску слов, часто встречаются фразеологизмы и переносные значения.

При переводе следующего выражения, необходимо было уделить особое внимание для перевода иронической окраски слова:

„… rodiče rozhodli, že nastoupí k „zeleným“,…“

«… родители решили, что Йозеф будет поступать к «воякам»,…»

При переводе следующих выражений произошла **нейтрализация**:

„… a že se kamarádi doma budou smát, že jsem houby voják, že jsem asi nějaká slečinka...“

«… и что друзья дома будут смеяться, что я никакой не солдат, а какая-то девчонка….»

Или

„Její mateřskou sportovní lodí byl až do roku...“

«Её родным спортивным клубом, вплоть до…»

Или

„…ale kdyby policajti zbraně našli, byli by z nich jistě rádi s chuti vyrobili případ.“

«…но если бы полицейские нашли это оружие, то с удовольствием бы на них завели дело».

Или

„… měla hroný strach, bála se, že estebáci dům hlídají,...“

«Она боялась, что Служба Государственной безопасности следит за домом…»

При переводе svatebčané, мы провели **генерализацию**:

„… po obřadu se svatebčané je s obtížemi dostali k autům,...“

«… а после церемонии, гости, с трудом могли пробраться к машинам,…»

2.3.3 Грамматический уровень

Теория Комиссарова В. Н. в качестве самых употребляемых грамматических трансформаций выделяет членение предложений, объединение, синтаксическое уподобление, грамматические замены.

В переводе встречается несколько случаев **членения предложения**. Рассмотрим некоторые примеры:

„Nyní s ní však letěl muž, který si ji vybral pro život, zeptal se jí, jestli chce jít s ním, a Věra souhlasila.“

«Но теперь с ней полетел мужчина, который выбрал жизнь с ней. Он спросил её, хочет ли она прожить вместе с ним жизнь и Вера согласилась».

Или

„Co bude dál netušila: představovala si, že si hlavně trochu odpočine a pak začne nový život.“

«Что будет дальше, она не подозревала. В первую очередь, она планировала немного отдохнуть, а потом уже начать новую жизнь».

Или

„zasypalo novomanžele hrstmi rýže pro štěstí: oba až tam konečně pookřáli.“

«осыпали молодоженов горстями риса на удачу. Только после этого они оба немного пришли в себя».

В некоторых же случаях мы наоборот использовали **объединение предложений** для большей когерентности и когезии текста.
Например:

„Domů se nevracela s manželem, letěli každý zvlášť, Věra s dětmi opět v doprovodu „tetičky“ Maškové. Na kdy má zamluvené letenky, mu neřekla.“
«*Домой они с мужем возвращались по отдельности, Вера летела с детьми и снова в сопровождении Марии Машковой, не сказав мужу на какую дату заказаны билеты*».

Или

„Bry se však na něj Věra začala obracet se žádostmi a prosbami o pomoc. Nakonec se tak dělo

téměř denně...“
«Но вскоре Вера к нему стала обращаться с просьбами о помощи, что в итоге происходило практически ежедневно…»

При переводе также были случаи **замены частей речи**, рассмотрим некоторые примеры: Прилагательное имя *sprpnový*, был заменен существительным *август*:

„Věra sama nezažila srpnovou okupaci v Praze,…”
«Сама Вера не присутствовала в августе при оккупации Праги,...»
Наречие *pohromadě* и прилагательное *kompletní*, было заменено словосочетанием *в полном составе*:

„… muži zákona přijeli, zastihli pohromadě kompletní českou rodinu...“
«…сотрудники полиции застали чешскую семью в полном составе...»

Наречие *potenciálně* мы заменили прилагательным *потенциальный*, прилагательное *rizikový* существительным *риск*:

„Všichni trampové byli pro režim potenciálně rizikovou skupinou, …“
«Все трэмпы были потенциальной группой риска для режима,…»

Замену формы слова, можно наблюдать на следующих примерах:

„Nejdřív přemýšlela, že je zakope na zahradě...“
«Изначально она хотела закопать их во дворе...»

Или

„… přes Spojené státy, kde se ve Washingtonu zastavil u švagra diplomata, …“
«… через Соединенные штаты, где останавливался у своего зятя дипломата в Вашингтоне, …»

В переводе также имел место быть **антонимический перевод**, являющийся лексико-

грамматической трансформацией и который представляет собой замену лексической единицы в исходном тексте на единицу текста перевода с противоположным значением, выражая при этом главную мысль. Например:

„… a když se stalo, že na někdy nezavolala například přes víkend, na velvyslanectví dostali obavu, jestli se v její rodině nestalo něco zlého.“
«… а если Вера, не звонила в посольство на протяжении всех выходных, то они начинали переживать, что в их семье случилось что-то неладное».

2.3.4 Прагматический уровень

Ранее уже упоминалось о том, что автор подлинника предполагает у читателя знания об отдельных реалиях, событиях описываемых в тексте. Учитывая ориентацию на широкий круг русскоязычных читателей, необходимо осознавать, что они не владеют требуемым объёмом знаний и определенных реалий. Фоновые знания читателя подлинника и перевода не совпадают. Поэтому необходима прагматическая адаптация текста. Осознание важности прагматического фактора необходимо для достижения полной адекватности текста.

В первую очередь следует отметить, что при переводе мы использовали **внутритекстовые пояснения** в тексте перевода, чтобы объяснить читателю, не владеющему необходимой информацией, определенную реалию. Рассмотрим несколько примеров:
Дополнение информации к чешским топонимам:

„S otcem vyráželi na výlety na Šerák, Keprník, Praděd,...“
«С отцом они ходили в походы <u>на горы</u> Шерак, Кепрник, Прадед,…»

Или

„Když se po pár letech rodina odstěhovala do Otrokovic,...“

«Спустя пару лет, когда семья переехала в <u>город</u> Отроковице,…»

Или

„Žil ve Všenorech,...“
«Он жил в <u>поселке</u> Вшеноры,…»

Кроме внутритекстовых пояснений, мы воспользовались также **примечаниями переводчика**, в виде сносок внизу страницы, как было сказано выше. Их мы использовали для случаев, требующих более детального разъяснения, чтобы не перегружать текст и тем самым не нарушать смысловую и стилистическую структуру текста. Данный метод был, например, использован для разъяснения такой реалии как «хартисты» «трэмпинг», значения и роли песен «Ящик из-под виски» и «Уходи домой, Иван!» в чехословацкой культуре, или что подразумевал автор под «событиями 1989 года» и др.
Также, с помощью сносок мы приблизили читателю способ обозначения отдельных топонимов «Прага 6» и др.

В переводе имела место быть также **замена**, с помощью которой читателю передается информация, непосредственно в тексте оригинала не выраженная, но читателю подлинника понятная:

„… na ni čekal výborně oblečený sportovec s kyticí, který si ji posadil do své cortiny a odvezl.“

Речь идёт о популярном в шестидесятые и семидесятые годы, в том числе и в Чехословакии, автомобиле «Форд Кортина», ездить на котором было престижно и модно. Русскоязычный читатель, скорее всего не обладает теми же ассоциациями, что и читатель подлинника при упоминании о данной модели автомобиля. Но русскоязычный читатель все же знаком с автомобилем марки «Форд». Поэтому мы приняли решение использовать в этом случае замену:

«Веру встречал хорошо одетый спортсмен с букетом цветов, который увозил ее на своем стильном форде».

Выводы

Данная бакалаврская работа была посвящена переводу с чешского на русский язык выбранной главы книги «Вера Чаславска – Жизнь на Олимпе» чешского писателя Павла Косатика, с последующим переводческим анализом текста оригинала и перевода.

Нашей целью было в процессе перевода сохранить функцию исходного текста и авторского стиля, но при этом учитывать стилистические особенности оригинала в переводе.

В переводческом комментарии был проведен многоуровневый анализ обоих текстов. Были определены грамматические, стилистические и лексические особенности. Далее был осуществлен анализ переводческих проблем и определены стратегии их решения.

В ходе работы были выявлены многочисленные трудности, основными из которых были передача авторского стиля и сохранение стилистических особенностей.

Резюме

Целью данной бакалаврской является создание комментированного перевода с чешского языка на русский трёх глав книги «Вера Чаславска – Жизнь на Олимпе», написанной чешским писателем Павлом Косатиком и написание комментария к нему. В переводческом комментарии был проведен подробный анализ текста оригинала, на основе которого была выбрана стратегия перевода. Затем была показана типология переводческих проблем и способы их решения. Также были приведены примеры переводческих трансформаций, с которыми мы сталкивались в процессе перевода оригинала текста.

Rezumé

Cílem této bakalářské práce bylo vytvořit komentovaný překlad tří kapitol z knihy "Věra Čáslavská - Život na Olympu" z českého jazyka do ruského, jehož autorem je český spisovatel Pavel Kosatík a vytvoření odborného komentáře. V komentáři byl proveden podrobný rozbor původního textu, na základě kterého byla vybrána strategie překladu. Dále byla určena typologie překladatelských problémů a způsoby jejich řešení. Dále jsme se věnovali překladovým transformacím, se kterými jsme se setkali v procesu překladu.

Summary

The aim of this bachelor is to create annotated translation from Czech into Russian of three chapters of the book «Věra Čáslavská - Život na Olympu» written by the Czech writer Pavel Kosatík and writing commentary of translation. The commentary was carried out a detailed analysis of the original text from which the translation strategy was chosen. Then the typology of translation problems and ways of their decision have been shown. Also examples of translation transformations which we faced in process of conversion of the original of the text have been given.

Список использованной литературы

Основная литература

1. KOSATÍK, Pavel. Věra Čáslavská - Život na Olympu. Praha: Mladá fronta, 2012

Дополнительная литература

2. Левый И. Исскуство перевода. / Пер. с чеш. и предисловие Вл. Россельсва. Издательство: Прогресс, 1974.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Издательство: Высш. шк., 1990.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Издательство: ЭТС, 2002 год.
5. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с. ISBN 5-06-000196-2
6. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с. ISBN 5-93439-046-5
7. Čechová M. Současná česká stylistika. – Praha: ISV nakladatelství, 2003. ISBN 80-86642-00-3
8. Velký česko-ruský slovník. – Leda spol. s r. o., 2005. ISBN 80-7335-048-3
9. БАРХУДАРОВ, Л.С. *Язык и перевод*. Москва: Международные отношения, 1975.
10. ČERMÁK, František, Jiří HRONEK a Jaroslav MACHAČ. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha: Leda, 2009. ISBN 978-80-7335-215-8.
11. ČERMÁK, František. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha: Leda, 2009. ISBN 978-80-7335-216-5.

Приложение: Текст оригинала

SVATBA STOLETÍ

Do Mexika neletěla sama. To ani předtím nikdy nikam na žádné závody. Nyní s ní však letěl muž, který si ji vybral pro život, zeptal se jí, jestli chce jít s ním, a Věra souhlasila. Josef Odložil, jeden z nejúspěšnějších čs. atletů všech dob, držitel stříbrné medaile z letních olympijských her v Tokiu z běhu na 1500 metrů, úspěšný závodník a rekordman na několika tratích; jeho světový rekord z roku 1965 v běhu na 2000 metrů (5:01,2 minuty) platí ještě dnes.

Že existuje atlet toho jména, Věra samozřejmě věděla, zatančili si spolu třeba na festivalu mládeže v Helsinkách v roce 1962. Poprvé vážně, tak, že si toho všimla, ji však oslovil až o dva roky později na palubě vládního speciálu cestou na olympiádu do Tokia. Na první pohled prý se jí nezalíbil, byl však mezi ctiteli, věrný své specializaci, nakonec „nejvytrvalejší" – a to rozhodlo. Když se v Tokiu probojoval do finále běhu na 1500 metrů, šla mu s ostatními čs. gymnastkami fandit. Jeho slavnou bitvu s Novozélanďanem Snellem však moc neprožívala, bylo to jenom chvíli po jejím vítězství v gymnastickém osmiboji a připadala si mrtvá únavou. Na hlasité atletické fandění však nebyla ani později: introvert, jak se ukázalo.

Byl to mimořádný sportovec a mimořádný muž. Na jeho dětství měly největší vliv roky, které prožil s rodiči a sourozenci v Domašově v Jeseníkách, obci v srdci hor, ležící při potoce

Bělá. Odložilovi bydleli ve vile na samotě uprostřed lesů, tehdy ještě nepoznamenaných těžbou ani exhalacemi. Josef to měl denně ráno do školy čtyři kilometry a odpoledne zas čtyři nazpátek. V létě to byl jeho první atletický trénink, v zimě lyžařská pohádka. Jeho staršími kamarády se v Jeseníkách stali hlavně lesníci, brali ho s sebou na lov už jako malého kluka.

Poznával přírodu zblízka a byl v sedmém nebi. S otcem vyráželi na výlety na Šerák, Keprník, Praděd, k Velkým vodopádům, syn znal brzy hory jak své boty. Když se po pár letech rodina stěhovala do Otrokovic, Josef svou horskou „pohádku" obrečel. Brzy se ukázalo, že toho bude muset vydržet ještě mnohem víc: na lesnickou školu, kam chtěl, zrovna nebrali, a tak rodiče rozhodli, že nastoupí k „zeleným", na Žižkovu vojenskou školu do Bratislavy.

V patnácti letech se ocitl od pohádky nejdál, jak to jen šlo. Předtím vyznával volnost a svobodu, nyní však byl jeho život jinými na minutu zorganizován, od budíčku do večerky. Každá věc měla své vyhrazené místo. Běda, když prádlo nebylo srovnané na milimetr přesně nebo když velitel našel na ustlané posteli nějakou závadu. Výsledkem byl místo víkendové vycházky trest: sobota a neděle doma. Nejeden víkend tak Josef proseděl u okna kasáren a pozoroval, jak se lidé procházejí po dunajském nábřeží.

Jednou ho nechali šest hodin čistit pušku: pořád bylo něco špatně, ve světle silné žárovky se na zbrani opět našlo nějaké smítko. Tehdy už byl zoufalý a chtěl ze školy odejít. „Měl jsem však obavy z toho, co řeknou rodiče, a že se kamarádi doma budou smát, že jsem houby voják, že jsem asi nějaká slečinka – zatnul jsem proto raději zuby a rozhodl se, že vydržím."[58] Takový život měl jenom málo výhod. K těm

nemnoha patřila možnost jezdit na vojně na koni (Josef to miloval) a potom hlavně šance vážně se věnovat sportu. V Odložilově podání atletice, a v ní hlavně „královské" trati na jednu míli, resp. 1500 metrů. Běhal všude, kde se dalo, na učilišti protivzdušné obrany v Olomouci, pak, po převelení, v Košicích – ale to už stále častěji startoval na závodech, od roku 1960 v dresu pražské Dukly.

Říkalo se o něm, že na olympiádu do Tokia měl postoupit se štěstím, na poslední chvíli. Předvídali mu, že skončí v prvním rozběhu – a pak všem čs. atletům vytřel zrak. Svým druhým místem dosaženým na trati, na které bývá největší atletická konkurence, se stal nejúspěšnějším novodobým čs. běžcem po Zátopkovi. Po návratu domů je s Věrou začali zvát na poolympijské besedy spolu, dva mladé a úspěšné sportovce, kteří o svých zážitcích dokázali vyprávět každý jinak.

Poprvé jí zaimponoval při jakési besedě v Ostravě. Večer před akcí se ještě dočesávala na hotelovém pokoji, když ji tam přišel vyzvednout v doprovodu dalšího olympionika. Z chodby uslyšela, že kamarád zrovna začal vyprávět nějaký košilatý vtip – a v zrcadle uviděla, jak na něj Odložil rychle dělá rukou: Ne, ne! Tehdy si poprvé řekla: Tohle asi bude slušnej kluk.

V těch dalších čtyřech letech mezi Tokiem a Mexikem spolu žili, ale moc se nevídali. Josef jezdil na závody po celém světě a Věra taky. Většinou se vlastně setkávali někde na letišti, když jeden z nich zrovna někam odlétal a druhý se odněkud vracel. S tím, že se mají rádi, se však netajili, asi by se jim to ani nepovedlo, kdyby o to stáli. Kdykoli novináři popisovali nějaký další Věřin návrat ze závodů na ruzyňské letiště, rádi zmínili, že na ni čekal výborně oblečený sportovec s kyticí, který si ji pak posadil do své cortiny a odvezl.

Rozhodli se, že se vezmou na olympiádě v Mexiku. Byl to Věřin nápad; vlastně i tímhle jedním „finále navíc" říkala, jaký význam svému plánovanému manželství připisuje. Až sňatek, nikoli medaile, které chtěla vybojovat, měl být pro ni vyvrcholením všeho. Kdyby závody nedopadly, možná by se byla po Mexiku pokusila ještě o nějaká další vítězství; pokud však všechno klapne, byla rozhodnutá na olympiádě skončit. Měla gymnastiky plné zuby, cítila se vyčerpaná jako nikdy, a navíc si uvědomovala, že jediná budoucí smysluplná závodní motivace (příští olympiáda) už pro ni vzhledem k věku asi nepřichází v úvahu.

Přesto bylo pozoruhodné, že dokázala skončit „v nejlepším" a na vrcholu. Počet závodníků, kteří to zvládli, by se dal spočítat na prstech jedné ruky. Kdo to dokáže, naznačuje, že se v životě řídí i jiným hodnotami než jen vlastní ctižádostí. Taky její manžel se blížil závěru kariéry (i když tak striktně jako ona se od ní v Mexiku ještě odříznout nechtěl). A tak se sňatek ze všech úhlů pohledu jevil jako symbolická tečka za sportovní kariérou a začátek úplně nového, neznámého života.

Ta svatba měla být tajná, ale nebyla. Čeští novináři o jejích přípravách věděli, a když Věra sesbírala medaile, pravděpodobnost se proměnila v jistotu. Pro mexické noviny to byla senzace: vdávala se nejúspěšnější sportovkyně her – a podle všeho, měřeno projevovanými sympatiemi, i sportovkyně nejuctívanější – La nóvia de Mexico.

Její mexická sláva, která, bylo-li to možné, předčila i tu dřívější tokijskou a projevovala se na každém kroku, měla samozřejmě také svůj rub. Byly to sympatie, ale navenek je většinou projevoval dav, nikoli jednotlivci. Býval to hluk bez vztahů a Věra si brzy uvědomila, že nezřídka jsou chvíle, kdy ji

všechen ten zájem i obtěžuje. Každou chvíli ji někdo zastavil, aby si ji vyfotografoval nebo nechal podepsat – a často při tom nebral ohled na to, jestli se jí to právě hodí, nebo ne. „Byli jsme věčně na útěku," pojmenoval to později v tisku její manžel.[59] Klid prý ke konci nebyl už ani v olympijské vesnici; i tam v jídelně kuchaři podstrkovali Věře podpisové lístky na talířcích.

Ten dav, jak se nakonec ukázalo, měl sehrát hlavní roli i při její svatbě. Dopředu to netušila. Že přijdou lidé, věděla, naznačily jí to také místní úřady, které jí kvůli tomu doporučily přenést obřad z „malé kapličky" (kde si ho původně přála mít sama) i z olympijské vesnice (kde ho plánovali uskutečnit členové čs. olympijské výpravy) do metropolitní katedrály Panny Marie Guadeloupské na historickém náměstí Zocalo.

Prolog, tedy úřední sňatek, proběhl 26. října v 18 hodin v rezidenci čs. velvyslance. Ulice byla obležená lidmi už o hodinu dřív, po obřadu se svatebčané jen s obtížemi dostali k autům, ale skutečné peklo je čekalo před katedrálou. Přišlo na padesát tisíc lidí. Všichni chtěli vidět Věru a dostat se dovnitř, takže se nejdřív zdálo, že samotným novomanželům se to nepovede. Když už se začátek zpožďoval o celou hodinu, propadla Věra panice a rozhodla se, že než takový zmatek, to radši ať se svatba nekoná. Po půlhodině dalšího přesvědčování ji ženich a přátelé protlačili davem až před oltář – kde už na oba čekal oddávající, mexický arcibiskup Miguel Dario Miranda.

Ještě s odstupem víc než čtyřiceti let napsal dobrý český novinář: „Byla to nejcelebritnější svatba v české historii."[60] V dobrém i zlém. V nabitém kostele se nedalo hnout a ve vřavě nebylo slyšet vlastního slova. Vnitřek chrámu spadal pod církevní pravomoc, policie tam tedy neměla právo zjednat

Rodinné foto, polovina 40. let: s rodiči a sestřenicí Marií (uprostřed) tři sestry Čáslavské nastrojené v bílém – zleva Hana, Věra a Eva

Věra (vlevo) se svými sestrami v jejich nejúspěšnějším dětském tanečním čísle, *Vyzvání k tanci* od Carla Marii von Webera. „Měla jsem parádní nohy iksáky, které mi záviděla i naše Hana (ležící), pozdější primabalerína."

pořádek – a kněží sami na zdivočelé ovečky nestačili. Snoubenci neslyšeli, na co se jich arcibiskup ptá, a on zas neslyšel, co mu odpovídají. Nakonec to vzdal, bylo to boží dopuštění.

Jestli Emanuel Bosák (bratr Věřina trenera „Hasana" a v dané době předseda Čs. svazu tělesné výchovy) a trenérka Jaroslava Matlochová, kteří jim šli za svědky, se sňatkem skutečně souhlasí, na místě nešlo zjistit. (Domácím „padrinem" svatby byl architekt Pedro Ramires Vasques, projektant olympijské vesnice a dalších sportovišť.) Po skončení museli všichni další hodinu čekat v kryptě pod sakristií, než se davy uklidnily a kostel aspoň zčásti vyprázdnil. Nebýt podzemní chodby, kterou nakonec unikli ven, svatební hostiny pořádané v olympijské vesnici by se zřejmě vůbec nemohli zúčastnit. Z většiny snímků pořízených na místě nic z toho není znát. Věra však byla obřadem nakonec spíš zdrcena: svou svatbu si pod vládou davové hysterie nepředstavovala. Závěr obrečela.

Teprve půl hodiny před půlnocí začala v olympijské vesnici svatební hostina, uspořádaná Mexičany. Na pět set hostů, shromážděných v jídelně, za zvuků Mendelssohnova svatebního pochodu zasypalo novomanžele hrstmi rýže pro štěstí: oba až tam konečně pookřáli.

Tím skončil poslední den Věřiny závodní kariéry. Co bude dál, netušila: představovala si, že si hlavně trochu odpočine a pak začne nový život. Chtěla mít děti a těšila se na ně. Pokud v té době vůbec pomyslela i na budoucí práci, představovala si ji většinou stejně, jako to viděla fungovat u ostatních starších gymnastek: dostuduje na fakultě tělesné výchovy a potom tam bude pracovat; když to nevyjde, začne trénovat mladé gymnastky ve svém oddílu.

Její „mateřskou" sportovní lodí byl až do roku 1967 Slovan ČSTV. Před mistrovstvím Evropy v Amsterdamu v onom

roce Věra přestoupila do TJ Rudá hvězda Strašnice, za kterou pak během pár měsíců vybojovala svá nejcennější vítězství – pět titulů mistryně Evropy a mexické olympijské medaile. V Rudé hvězdě jí zajistili dobré sportovní podmínky, těšilo ji, že tam působila v jakési sportovní rotě s dalšími gymnastkami (třeba s Hankou Růžičkovou), s atletkou Milenou Rezkovou-Hybnerovou a dalšími; už nemusela sedět v písárně a opisovat na stroji nesmysly. Očekávala tedy skoro automaticky, že se po oboustranných dobrých zkušenostech bude moci do Rudé hvězdy vrátit. A konečně přemýšlela i o tom, že by s manželem vyjeli na rok trenérsky působit do ciziny.

Příchod Opeřeného hada; překlad prezidentovi doručil osobně Milan Klusák, tehdejší český ministr kultury.)

Podle Portillova plánu měla Věra v Mexiku s bohatou mediální podporou vést trénink několika stovek gymnastických adeptek z chudých rodin. Pokud z nich vychová úspěšné gymnastky, bude to výtečné. Ale bohatě bude i stačit, když se rozkřikne, že Portillo Věřiným prostřednictvím pomáhá chudým; v příštích prezidentských volbách mu to sotva uškodí.

Když nabídka přišla, byla Věra šťastná. Mexiko milovala, že si tam na ni pamatují, ji těšilo. Jestli je to perspektiva, nebylo jisté, ale určitě to byla aspoň alternativa vůči tomu, co žila doma. Po deseti letech bude moci pracovat jako normální člověk bez toho, aby se musela donekonečna skrývat. Nejlepší na tom však bylo, že mexická strana (tamní Národní sportovní institut INDE) souhlasila s Věřinou podmínkou, aby mohla přijet i s celou rodinou a aby i manžel dostal v Mexiku důstojné uplatnění. Ani z vysílajícího Pragosportu neměli námitky, aby Odložilovi vycestovali všichni čtyři, jako rodina – takže se Věra zpočátku neubránila pomyšlení ani na to, jestli ji tak vlastně z domova decentně nevybízejí k emigraci.

Pár týdnů před odjezdem, v dubnu 1979, zažila šokující událost, když náhle a za záhadných okolností zemřel její mladší bratr Vašek. Měla ho stejně ráda jako starší sestru Hanu, možná ještě radši. Vašek měl od dětství smůlu, ve třech letech onemocněl tuberkulózou kostí a celých pět roků potom zůstal na lůžku. Hodně zkusil, mělo to však aspoň tu dobrou stránku, že spousty času, se kterým musel nějak naložit, dokázal využít ke čtení. Už jako malý kluk četl všechno, co mu přišlo pod ruku, a osvojil si slušný všeobecný přehled. Na knihovníka, kam se později ze školy hlásil, ho nevzali, takže se vyučil elektrikářem. Knihomolem však zůstal.

Nikdy na něho neměla tolik času, kolik chtěla. Žil ve Všenorech a načichl jak tamním poberounským, tak i brdským koloritem. Jezdil na tramp, naučil se na kytaru, nevynechal jediný potlach v blízkých osadách, každoročně jezdil na Portu atd. Nepadl si však do oka s VB a StB; u táboráků zdaleka nezpíval jen *Bednu od whisky*, ale když to do něho vjelo, přidal i písničky Karla Kryla a *Běž domů, Ivane* – a pokud se nějaká akce děla u něj doma ve Všenorech na zahradě, vyvěsil k tomu i americkou vlajku – což bylo dokonce i v liberálních šedesátých letech pokládáno za akt rovnající se v podstatě velezradě. Do deseti minut bývala pravidelně na místě bezpečnost, přivolaná některým ze sousedů, Vašek si však dělal legraci i z nich. Věra sama nezažila srpnovou okupaci v Praze, ale když později uviděla fotky pořízené reportéry v hořících ulicích, nalezla na některých z nich Vaška: stál na tanku před budovou rozhlasu, vehementně diskutoval se sovětskými vojáky a před očima jim mával čs. vlajkou.

Všichni trampové byli pro režim potenciálně rizikovou skupinou, Čaučík (nebo taky Kid, jak se mu přezdívalo mezi kamarády) je však vysloveně dráždil. Když přijel do Prahy na státní návštěvu Brežněv, zavírali se preventivně na 24 hodin nejen chartisté, ale třeba Vašek Čáslavský taky. Jednou se stalo, že si k němu kamarád schoval dvě zbraně, pistole. Shodou okolností se to stalo těsně před další Brežněvovou návštěvou a Vašek už je nestihl schovat. Nešlo o nějaký protikomunistický odboj, spíš o klukovinu, ale kdyby policajti zbraně našli, byli by z nich jistě rádi s chutí vyrobili případ.

Když Věra za Vaškem přišla na návštěvu do vazby, podařilo se mu naznačit jí, o co jde. Nejdřív mu dlouho nerozuměla, nakonec pochopila: Pokud mu dodatečně prohledají byt, půjde za mříže. V noci se tedy sebrala, zajela k Vaškovi, aby ji

nikdo neviděl, zbraně našla, strčila do kapes a odvezla je pryč. Po celou dobu měla hrozný strach, bála se, že estébáci dům hlídají, že ji odněkud celou dobu pozorují a s pistolemi v kapse ji zatknou.

Nejdřív přemýšlela, že je zakope na zahradě v Černošicích, ale celou zpáteční cestu se jí zdálo, že ji sleduje cizí auto – a tak zazmatkovala ještě víc, oklikou se do Všenor vrátila a pistole dala zpět na místo. Druhý den ráno jí to ale nedalo a vydala se tam znovu, se dvěma taškami, aby jí pistole na denním světle nedělaly boule pod kabátem. Nejkratší cestou zajela k železničnímu mostu přes Berounku, a když si ověřila, že kolem nikdo není, hodila je do vody.

Nový problém však nastal, když Vaška zas pustili: kamarád se o zbraně přihlásil a Vašek je chtěl zpátky. V noci zajeli spolu k mostu, prohledali řeku po celé šířce – ale už je nenašli. V dubnu 1979 Vaška srazilo auto, a protože pachatele nevypátrali, Věra se nikdy nezbavila podezření, že v jeho smrti měla prsty StB.

Odjezd do Mexika nabízel jakousi šanci i na toto všechno, co se dělo doma, aspoň trochu zapomenout. Po jedenácti letech se s manželem vraceli do země, kde jim kdysi oběma společně zasvítila šťastná hvězda, s nadějí, že se tam zas dají dohromady – a zdaleka ne jenom ekonomicky. Paradoxně však právě Mexiko ukázalo rozpory, které doma v Československu nebyly vidět.

Poprvé se to ukázalo vlastně hned při příletu do Mexico City. Měl, pokud to vůbec bylo možné, ještě bombastičtější průběh než pozornosti, které provázely někdejší Věřinu účast na olympiádě. Tehdy byl i její manžel olympionikem, takže mohl mít pocit, že se to vše týká podobnou měrou i jeho. Teď to ale bylo jinak. Červený koberec natažený od letištní

budovy ke schůdkám letadla byl určený pro ni, noviny psaly jen o „Reině del Mexico", Mexické královně – zatímco on, její muž, se v novinách dočkal označení „El Esposo de Vera", manžel Věry. Takové uvítání jako ona prý měl předtím v Mexiku jenom papež, psaly noviny (Jan Pavel II. navštívil zemi v roce 1979 jenom o několik týdnů dřív.)

Už to jednou zažil a snad by to snesl znovu; v mezidobí však na to, že je to s jeho manželkou takhle, zapomněl. Šok zažily i obě děti. Doma v Československu až do té doby nevěděly, že jejich matka je slavná. Neuvědomovaly si, kým ve skutečnosti je a že jim to režim, v kterém žijí, zatajuje. Pětiletý Martin, zvyklý na to, že má matku obvykle jen pro sebe, se mezi všemi těmi davy na letišti v první chvíli rozbrečel: dostal strach, že mu ti cizí lidé chtějí matku vzít.

Pronajali jim pětipokojový byt ve vládní čtvrti, půjčili auto. Učitele španělštiny a školu pro Radku už si Věra musela najít sama. Děti ze zemí takzvaného socialistického tábora musely povinně docházet do školy sovětské. Věra tam Radku nejprve každé ráno vozila, ale protože to bylo daleko od domova, umístila ji ve vojenské škole mexické: s tvrdší disciplínou, a jak se časem ukázalo, i nevalnou stravou. Když Radka jednou přišla s brekem, že v hrnci s čajem plave myš, zašla Věra za velitelem; od té doby už se to neopakovalo.

Tam, v bojových podmínkách, se Radka se svým jazykovým talentem rychle naučila španělsky, s matematikou a češtinou to však už měla složitější. Až když koncem roku 1980 přijeli do Mexika čeští učitelé z Kuby, Radku přezkoušeli a potvrdili jí, že uzavřela pátou třídu. Martin, který ještě do školy nemusel, se aklimatizoval rychle; Věra ho při tréninkových hodinách občas přiřadila ke svému holčičímu gymnastickému družstvu, kde mu to s učením řeči šlo samo. Sportovní hala

se učit proti tomu bojovat. Vše správné pocházelo ze států socialistického tábora.

Po návratu domů, po dvou letech takové výuky, se Radka nestačila v Praze divit. Zjistila, že cizí zemí pro ni není Mexiko, ale tehdejší ČSSR: to v Praze, a ne v Mexiku tehdy žili podivně nesrdeční a nelaskaví lidé, kteří se na ulici skoro nikdy neusmáli, to Praha, a ne Mexiko byla městem šedivých, neživých barev, to v Praze, a ne v Mexiku se stály fronty na to nejběžnější zboží, ovocem počínaje a třeba toaletním papírem konče. Když jí to po návratu domů, u babičky v Černošicích, všechno došlo, sedla si prý u ní doma na schodech a rozbrečela se.

V Mexiku zato bylo všechno, co nebylo doma. Slunce. Barvy. Lidé plní energie. Bylo to splnění šťastného dětského snu o pozemském ráji. Snad jen ta sovětská škola to Radce kazila. Protože jí tam učení nadále nešlo, rodiče si rozdělili její předměty a začali se s ní učit doma: Věra češtinu a vlastivědu a její muž matematiku. To druhé však začalo brzy skřípat. Otec s Radkou neměl trpělivost, začaly létat pohlavky a časem také prudší rány, po jedné z nich museli Radku hospitalizovat v mexické nemocnici s poškozeným očním pozadím.

Že dceru fyzicky napadá, nepopíral ani on, ani ti, kdo se jeho jednání jinak ve všem zastávali. V knize, kterou jeho sestra vydala v roce 2003, ocitovala například Odložilův výrok před rozvodovým soudem, popisující jeden starší incident právě z „mexického" roku 1981. Odložil tam řekl: „Dcera za prohlášení, že se nebude učit, že bude milionářka a na všechno bude mít služky, dostala ode mne pohlavek. Kdo by jí facku za to nedal?"[82] Někdo takový by se jistě našel, ale to si podle všeho ani on, ani jeho sestra, přebírající tento výrok bez komentáře či kritiky, zjevně nedovedli představit.

Bylo jasné, že domácí výuka tímto způsobem nemůže pokračovat. Protože v té době za Věrou přijela z Prahy na návštěvu Marie Mašková, matka v roce 1972 zesnulé slavné čs. krasobruslařky Hany Maškové, Věra ji požádala, aby jí s Radčinou matematikou pomohla ona (znaly se dobře už z domova, pro obě děti to byla „tetička"). Často taky pomáhala kamarádka Mirka, která žila nedaleko Věry v diplomatické čtvrti. Tím se však domácí konflikty neutlumily. Stále častěji do nich byla zasvěcená i celá tehdejší čs. ambasáda.

Když Odložilovi do Mexika přijeli, dostal je tam na starost diplomat, který sám v minulosti býval čs. reprezentantem v trojskoku, a do jejich pracovní náplně tedy viděl. Brzy se však na něj Věra začala obracet se žádostmi a prosbami o pomoc. Nakonec se tak dělo téměř denně; a když se stalo, že někdy nezavolala například přes víkend, na velvyslanectví dostali obavu, jestli se v její rodině nestalo něco zlého. Od jara 1980 už manželé Odložilovi žili v rozdělené domácnosti a oba se nechávali slyšet, že i tento formálně společný život bude trvat jenom do jejich návratu do Prahy.

Jak by se vztah mezi nimi dále vyvíjel, kdyby se Věra v Mexiku rozhodla zůstat? Když se v roce 1981 přiblížil konec jejího pobytu, pořádající organizace INDE jí nabídla, aby si ho prodloužila. Věra tehdy odmítla a vrátila se i s dětmi do Československa. K tomu, aby o lákavé možnosti tehdy vlastně vůbec nezačala uvažovat, přispěla série dalších tragických událostí v rodině doma v Československu. Na jaře 1980 jí do Mexika přišel dopis od maminky: její otec má rakovinu, jeho stav je vážný, může Věra přijet? Našla si záminku, IV. spartakiádu, která v červnu 1980 v Praze zrovna probíhala, vymyslela si důvod, proč je její účast na spartakiádě nutná, vrátila se, zajela rovnou do Černošic a zastihla tatínka, který pomalu

BOJ O DĚTI

Otcův vztah k dceři byl zvláštní. Jako by ho něčím, skoro samotnou svou existencí, dráždila od úplného začátku. Normální vztah založený na respektu a toleranci si k ní nevytvořil nikdy, vždycky vůči ní jen využíval duševní a fyzické převahy, kterou jako otec měl. Po něm i po matce Radka zdědila různá nadání, její jazykový nebo pohybový talent byl mnohostranný, autoritativní školní výchova však pro ni nebyla. Otec ji prosazoval, proto byly konflikty s ním týkající se učení skoro na denním pořádku.

Když jí nešla třeba matematika, uzavřel to tím, že je hloupá, a potom už se k ní podle toho choval vždycky. Protože mu oplácela stejně, vzájemné vztahy v její pubertě dospěly do bodu mrazu. Začali ignorovat jeden druhého, což se z otcovy strany projevilo třeba tím, že když se Radka přiblížila dosažení plnoletosti, přestal přispívat na její výživu. Od návratu z Mexika v roce 1981 se o její i Martinovu výživu starala pouze matka; v říjnu 1987 o tom dcera (už plnoletá a chystající se ke studiu na vysoké škole) napsala Obvodnímu soudu pro Prahu 6 se žádostí, aby otec na ni i na bratra posílal po pěti stech korunách měsíčně.

Protože se ani rozdělením bytu domácí situace nezklidnila, bývaly děti i nadále svědky častých hádek. Stali se z nich nejen svědci, ale také účastníci, které si jedna strana brala na

pomoc proti druhé. Bylo to těžké zejména pro mladšího Martina, který se v této pro něj neřešitelné situaci našel tím, že začal hrát roli jakéhosi matčina rytíře či ochránce. Potřeboval se, jako všechny děti, sžít s oběma rodiči, dostat do sebe jejich pozitivní obraz. Chtělo se však od něj spíš to, aby potvrdil, že ten druhý je špatný. Že by Věra své děti proti otci naváděla, jak jí později předestřeli jeho příbuzní, se nikdy neprokázalo. Nebylo však třeba, aby to dělala, k osvojení negativního otcova obrazu stačilo, pokud děti byly svědky toho, co se doma dělo.

Odstěhoval se z bytu ještě před rozvodem, ale dál tam chodil a odnášel si věci. Když Věra vyměnila zámek, přišel s vrtačkou a hrozil, že do bytu vnikne násilím – takže mu klíče opět dala a s dětmi si potom zvykli stěhovat třeba televizi do bytu ke správcové domu, kdykoli jeli na delší dobu pryč. Jindy přišel s velkým psem, vlčákem, a vlezl s ním za Věrou až do koupelny. Martin později z obavy, že se jeho matce něco stane, brával židli a vsedě koupelnu hlídal, aby matku ochránil. Nakonec jednou otec přijel se stěhovacím vozem a v doprovodu synovce odvezl z bytu nábytek včetně postelí z dětského pokoje.

Zazdálo se jí, že když chtěl mít majetek, ať si ho má; děti bude zase mít ona. S tím se však otec aspoň v synově případě nechtěl smířit a toužil dostat ho na svou stranu. Jako by však tušil, že v boji o srdce svých vlastních dětí prohrává, začal o nich před rozvodovým soudem vypovídat s obdobným despektem, s jakým se tam předtím vyjadřoval o vlastní ženě. Žaloval na ni stejným tónem, jaký si osvojil už před lety: „Při vstupu do manželství měla značné problémy s vařením, praním… Přichází ze zaměstnání průměrně kolem 19. hod. a chodí často do práce v sobotu i v neděli… Je extrémně ctižádostivý člověk“ atd.[87] Věra mu nikdy neodpustila, že stejným způsobem

začal napadat také Radku s Martinem. Jejich školní chování a prospěch se začaly rozebírat při opakovaných rozvodových stáních.

Nakonec to před soudem byla třeba Martinova třídní učitelka ze základní školy v Sušické ulici, která ho před otcovou kritikou hájila: Martin podle ní nemá výkyvy v prospěchu ani chování, jak otec tvrdí; není to fluktuant, kromě běžných má i nevšední charakterové vlastnosti. „Cením na něm, že když něco provede jako každý jiný kluk, že se omluví a vždycky přizná chybu." Zároveň ale učitelka vyjmenovala několik špatných způsobů komunikace otce se synem, které zaznamenala, a také to, že se jí žák v poslední době jeví nervózní. „Zjistila jsem asi před čtrnácti dny, že má v žákovské knížce přeškrtnuty podpisy otce. Řekla jsem mu, že se to dělat nesmí, že to je úřední doklad, a on mi řekl, že to si otec nezaslouží, protože na jeho úspěšné známky nemá právo, protože se s ním učila matka. Řekl mi také, že neví, jak se má chovat, že když zlobí, tak že otec hubuje a že říká, že je to vina maminky, a když je hodný, tak že je to zásluha otce. Řekla jsem mu tehdy, aby se choval jako normální kluk."[88]

Ve stejném domě s Odložilovými bydleli manželé Václav a Věra Břicháčkovi, oba renomovaní psychologové a také soudní znalci v oboru. Zejména Věra Břicháčková se s oběma dětmi stýkala od jejich narození, situaci v rodině znala a snažila se Věře pomoci. V listopadu 1987 například psala Obvodnímu národnímu výboru v Praze 7, oddělení péče o děti a mládež, o tom, že 16. října 1987 zažila obě děti v dalším šoku po konfliktu s otcem: „Radka uváděla, že jí otec vyhrožoval vyhozením z okna."[89] A v lednu 1989 popisovala před soudem dopis pro Prahu 6, jak se jí situace v rodině jevila v rozmezí let: „Otec o děti nejevil žádný nápadný zájem." Vylíčila situaci, kdy

si otec z dosavadního společného bytu odvezl nábytek, koberce, odšrouboval lustry, odpojil a odvezl pračku atd. „Chyběly i postele dětí, které byly nuceny spát na podlaze… Za této situace ztratil otec v očích dětí poslední zbytky úcty."[90] Na základě těchto a dalších událostí Břicháčková požádala soud, aby Odložilovi zabránil v dalším vstupu do bytu.

Jak u rozvodového soudu vyplynulo ze znaleckého posudku, který si soud vyžádal, fyzického násilí bylo v rodině víc a neomezilo se jen na krátkou dobu. „Když jsem se matky dřív zastával, bil mě jako mámu, ale míň," řekl Martin znalcům. Jeho sestra o otci vypověděla: „Neuvěřitelným způsobem nadává mamince, vráží do ní." Dokonce i jejich matka se v jednom případě osmělila znalcům přiznat: „Neustále mě před dětmi uráží."[91] V dané době se však domácí násilí posuzovalo benevolentněji než dnes, a tak znalecký posudek vyzněl překvapivě: Nedostatky, které otec dětem vytýká, jsou běžné, ale ani jeho chování vůči nim nepřekračuje únosnou míru. Soud doporučil, aby se děti s otcem stýkaly jako dosud.

Útoky na sebe Věra přecházela mlčením; že ji muž fyzicky napadá, tehdy nepřiznala nikomu, ani soudu, ani nejbližším přátelům. Za sebe nebojovala. Co však nesnesla, byly otcovy útoky na děti. Rodina pro ni byla banda (nebo, jak sama říkávala, „osada"), která drží při sobě za všech okolností a třeba i proti celému světu. Sama by pro své děti udělala cokoliv, jejich otec však ve snaze dokázat, že se o ně matka špatně stará, nyní začal škodit také jim: když třeba zjistil, že jednou napsala dětem smyšlenou omluvenku (ve skutečnosti byly na horách), šel na ně žalovat. Ať by tehdy škola zareagovala jakkoli, bylo vyloučeno, aby výsledek jeho dětem prospěl. Rodič, který se snaží děti vychovávat, to sotva dělá tak, aby tím zároveň zhoršoval jejich obraz v očích druhých.